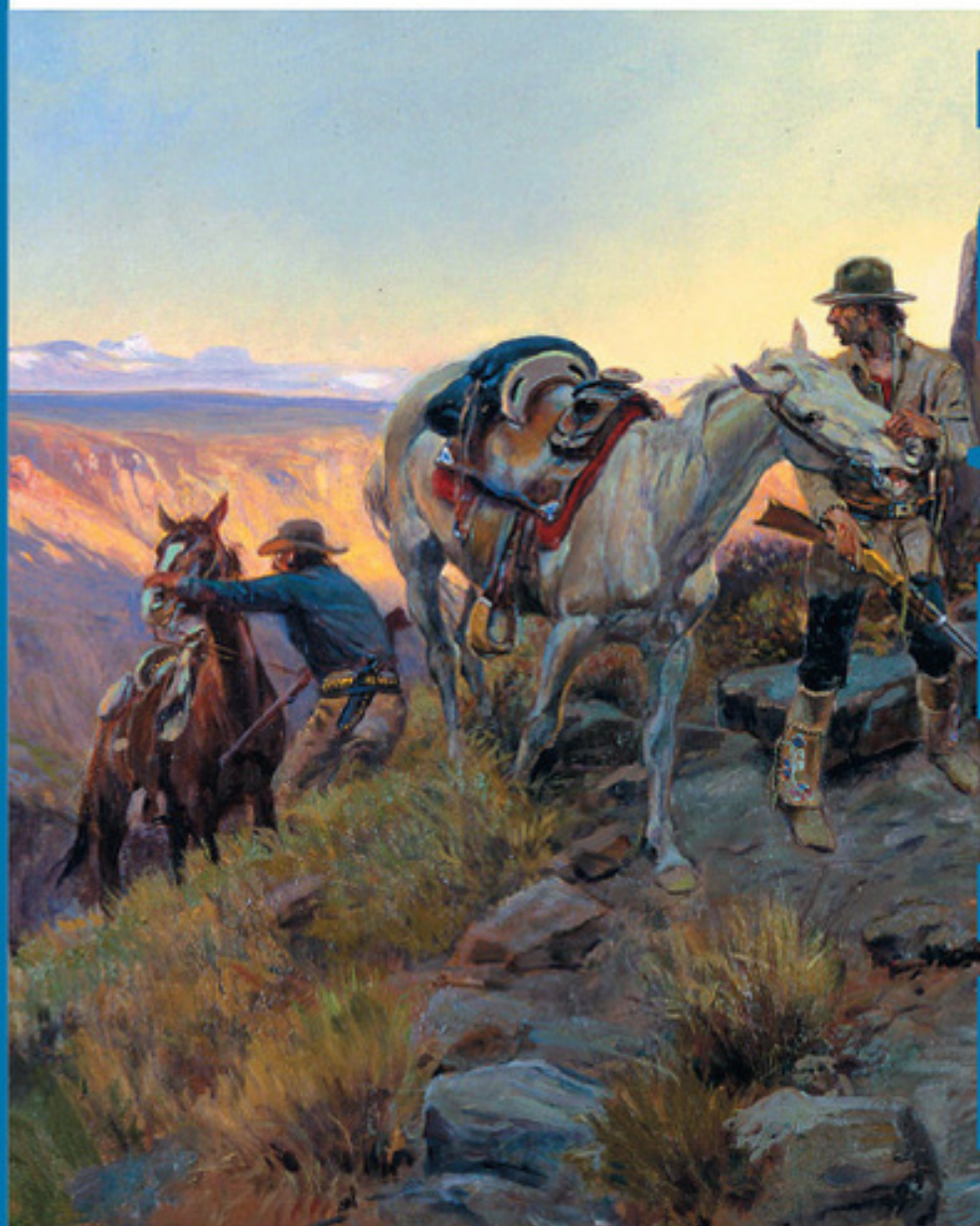

СОКРОВИЩЕ ГОЛУБЫХ ГОР

АСТ
АСТРЕЛЬ

ЭМИЛИО
САЛЬГАРИ

САЛЬГАРИ

Эмилио Сальгари
Сокровище Голубых гор

«АСТ»

1907

Сальгари Э.

Сокровище Голубых гор / Э. Сальгари — «АСТ», 1907

Увлекательный роман классика итальянской литературы Эмилио Сальгари переносит читателя к берегам Новой Каледонии, где терпит крушение корабль капитана Фернандо де Бельграно. Сам герой чудом спасается, попадает к дикарям и даже становится их вождем. Однако дни его сочтены, и последнее, что он может сделать для своих детей – послать им письмо и карту с указаниями, где спрятаны сокровища древней цивилизации.

© Сальгари Э., 1907

© АСТ, 1907

Содержание

I. Ураган	5
II. Сокровище Голубых гор	10
III. Гибель «Андалузии»	14
IV. На плоту	20
V. Неразрешимая загадка	28
VI. Бунт	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эмилио Сальгари

Сокровище Голубых гор

І. Ураган

– Да, ребята, быть беде: перед нашим носом заиграла полосатая рыба, а это дурной признак, – говорил хриплый бас.

– У вас, боцман, вечно дурные признаки! Только и знаете пугать всех, – насмешливо возражал звонкий молодой голос.

– Ты-то вот много смыслишь в океане и лучше меня все можешь объяснить. Молчал бы лучше, молокосос!

– Какой же я молокосос, когда мне уже стукнуло семнадцать лет? Потом, боцман, вы забываете, что я тоже сын моряка. Стало быть, море у меня должно в крови сидеть.

– Моряка! Наверное, твой отец дальше порта Вальдивии и носа не высовывал? Ничего, значит, кроме простой барки, не умел вести. Моряк тоже!

– Что вы хааете моего отца, когда совсем и не знали его? Это нехорошо с вашей стороны, боцман. Прежде всего он был такой же чилиец, как и вы.

– Может быть. Но я уже сорок лет хожу по океану, поэтому полагаю, что ему не равняться со мной.

– Но и мой отец родился в одно время с вами.

– Да ты что же это, Эмилио, опять начал зубоскалить надо мной? Или забыл, как тяжела у меня рука, а? Так я напому!

– Очень уж вы сердиты, боцман! Слова вам нельзя сказать.

– Молчи, негодный мальчишка!

– Смотрите, не ошибитесь, называя меня так.

– Говорят тебе, каналья, молчать!

– Перестаньте браниться, тогда и я замолчу.

Эта ссора между старым боцманом Ретоном и юнгой Эмилио могла бы продолжаться еще долго, к великой потехе всего остального экипажа, если бы вдруг не была прервана появлением на палубе капитана судна.

Капитан «Андалузии» представлял собой прекрасный тип чилийца с примесью испанской крови. Бронзовое лицо его выражало неукротимую энергию прежних воинов высоких Анд, а черные бархатистые глаза горели еще юношеским огнем, несмотря на то что ему уже стукнуло пятьдесят лет. Он был высокого роста, широкоплечий, крепкий, мускулистый и сильный, поэтому его не без основания сравнивали с быком-пуной, грозой его родных гор. В черной бороде, обрамлявшей его красивое лицо и придававшей ему сходство с одним прославленным разбойником, еще не серебрилось ни одного белого волоска, между тем как густые волосы на голове были уже сильно подернуты сединой.

– Опять у вас тут баталия с Эмилио? – обратился он к боцману.

– А вы, дон Хосе, не велите этому мальчишке вечно противоречить мне, тогда и баталий между нами не будет, – ответил Ретон.

– В чем дело?

– Да вот я говорю, что полосатая рыба заиграла на поверхности, а это предвещает дурное.

– Полосатая рыба?! – с видимым испугом перебил капитан, бросаясь к борту.

– В том-то и дело, капитан. Извольте сами посмотреть. Целыми дюжинами прыгает перед нами.

– Гм! Да. Это плохо. Положим, на небе еще ни одного облачка, да и ветер умеренный. Но, разумеется, это может измениться в одну минуту. Мы вошли в область, где бури – самое заурядное явление. А до Новой Каледонии осталось еще около полутора миль. Пожалуй, нам и не добраться благополучно.

Нахмутив лоб, капитан некоторое время молча смотрел на игру зловещих полосатых рыб, то и дело выскакивавших на поверхность моря и игравших вокруг великолепного парусника, который представляла собой «Андалузия».

Рыба эта, длиной от двух до трех метров, плосколобая, покрытая мелкой чешуей, с удлиненным носом и открытой пастью, отчасти походит на огромную лягушку. Она массами водится в водах Тихого океана и охотно ловится обитателями Новой Каледонии, несмотря на ее неприятный вкус. Зато она берет количеством мяса: нередко попадаются экземпляры весом в сто пятьдесят килограммов. Обыкновенно полосатая рыба скрывается на большой глубине, но когда надвигается ураган, она выходит на поверхность, точно для предупреждения моряков об угрожающей опасности, а может статься, и в ожидании добычи.

– Что, капитан Ульоа, ошибся я? – спросил боцман.

– Нет, Ретон, ты не ошибся. Да я тебя никогда и не подозревал в таких ошибках, – ответил дон Хосе. – Что же нам теперь делать? Одну минуту я остановился было на мысли забраться в рифы, идущие параллельно берегу, и переждать там бурю. Но появилось опасение, что это будет еще рискованнее: в открытом море есть еще надежда уцелеть, а среди острых камней «Андалузию» может превратить в щепки. Поэтому лучше будем продолжать путь в Балабиосскую бухту. «Андалузия» уже не с одной бурей справлялась, надеюсь, выдержит и на этот раз.

– И по-моему так, дон Хосе. Примем меры и, Бог даст, уцелеем. Ага, вот и туча уж подымается!.. Ну, пора приниматься за дело, э, уж и голос подает!

Действительно, на горизонте, до этой минуты совершенно чистом и ясном, стала появляться темная туча, а по парусам пронесся зловещий свист.

Отступив от борта, старый боцман начал отдавать приказание команде, состоявшей из четырнадцати человек. В несколько минут корабль был приготовлен к предстоящей борьбе с ураганом. Ход его с семи узлов¹ сразу убавился наполовину.

«Андалузия» в описываемое нами время – середине шестидесятых годов прошлого столетия – считалась одним из лучших парусников в Чили, морской державе, успешно соперничавшей с соседним Перу. Это был прекрасный четырехмачтовик с оригинальной и очень практичной оснасткой. Построенный из крепкого калифорнийского дуба, этот изящный корабль за свое пятилетнее существование с честью выдержал несколько сильных ураганов не только в Великом океане, но даже в Индийском, еще более опасном. Теперь для «Андалузии» пробил час нового испытания, серьезнее предыдущих: она в первый раз заходила в область Новой Каледонии, где свирепость морских бурь достигает апогея. Сердца капитана Ульоа и боцмана Ретона сжимались недобрыми предчувствиями. Что же касается экипажа, состоявшего из молодых и не особенно еще опытных моряков, то, не подозревая страшной опасности, он был совершенно спокоен. Это только радовало капитана и боцмана, потому что иначе у матросов раньше времени могли бы опуститься руки.

– Вот эти порывы ветра с правой стороны у нас, чилийцев и южных островитян, называются *вилывавис*, и когда они задуют, мало надежды на благополучный исход, – говорил Ретон, с задумчивым видом глядя в морскую даль.

– А разве они так же страшны в этой части Тихого океана, как и под Кордильерами? – вдруг спросил чей-то звучный и приятный голос позади боцмана.

Старый моряк с живостью обернулся.

¹ Узел – единица скорости корабля, равная одной морской миле в час (1,852 км/ч).

– А, это вы, дон Педро? И сеньорита с вами! – вскричал он, увидев перед собой красивого молодого человека лет двадцати пяти, в белой фланелевой одежде, и державшую его под руку хорошенькую девушку лет семнадцати. – Вышли посмотреть, что значит поднятая нашими молодцами беготня? Да, дон Педро, вильивавис свирепствуют и здесь не хуже, чем у нас. Ну, сеньорита, предстоящая нам под вой бури пляска едва ли понравится вашей особе, – неосторожно сострил старик, обращаясь к девушке.

– Мне и вообще здесь не очень нравится, – в тон ему ответила та.

– Ну, Бог даст, отпляшемся благополучно, а там недалеко и до цели нашего плавания, – продолжал боцман, стараясь загладить свою неосторожность.

Едва успел он проговорить последнее слово, как судно под пронзительный свист ветра высоко подбросило вверх и через борт хлынула огромная волна. Боцман, молодые люди и капитан, приблизившийся было к ним, едва не были сбиты с ног. Девушка помертвела от ужаса, и ее кавалер поспешил увести ее обратно в каюту.

– Ага, струсили! – насмешливо проговорил юнга Эмилио, строя обезьяньи гримасы вслед удалявшейся парочке. – Ну а мне так только весело при этой музыке. Эй вы, ветры, бури и ураганы, дуйте вовсю! Потешьте мою душеньку, играйте живее хорошую плясовую!

И он, напевая какую-то дикую песню, принялся плясать по мокрой и скользкой палубе.

Занятый своими заботами, капитан не обратил внимания на то, что он считал простой шалостью со стороны юнга, славившегося своими проказами; зато старый суровый боцман сразу осадил его и приставил к какому-то делу, чтобы «мальчишка не болтался зря по кораблю».

– Боюсь, как бы не разыгрался настоящий ураган со смерчем, – сказал капитан вернувшемуся молодому человеку. – Дон Педро, прошу вас как сына моряка и человека, достаточно хорошо осведомленного в морском деле, взять на себя присмотр за парусной частью, а я буду сам управлять рулем.

– Хорошо, капитан. А делали вы сегодня полуденное измерение?

– Разумеется.

– На каком мы теперь расстоянии от берега?

– В полутора сотнях миль от Балабиосской бухты.

– А нельзя ли укрыться где-нибудь от бури?

– Положительно негде, да и времени нет на поиски такого места: буря на носу.

– Ну, делать нечего! Будем готовы ко всему, – пожав плечами, проговорил молодой человек и направился к мачтам, а капитан поспешил к рулю.

Между тем буря, послав первое предупреждение, готовилась к генеральному сражению. Небо потемнело, и зловещая туча, все шире и шире раскидываясь по всему горизонту, стала превращаться из свинцовой в черную. Над «Андалузией» с пронзительными криками тревоги проносились по направлению к берегу стаи морских птиц. Среди этих птиц были снежно-белые с розоватым оттенком на концах перьев и голубовато-серые с белыми брюшками, похожие на голубей; все они принадлежали к самым крупным породам рыболовов, промысляющих на некотором расстоянии от берегов. Временами в гордом одиночестве пролетал огромный альбатрос, шумя один за целую стаю своими исполинскими крыльями. За ним обыкновенно следовало множество тех коричневых птиц, которые называются *костедробителями* благодаря своему твердому как железо клюву, пробивающему даже человеческий череп. Поспешное бегство этих птиц, привыкших к бурям, доказывало, что предстоит страшнейший ураган.

– Веселая ожидает нас ночька, могу сказать! – пробормотал Ретон, покачав головой. – Недаром птица так торопится к своим родным скалам. Да и я бы сейчас с гораздо большей охотой сидел в своем домишке, чем здесь.

Было шесть часов вечера, и солнце, блеснув на мгновение кроваво-красным диском, скрылось за горизонтом.

– Смотрите в оба! Буря идет на нас! – раздалась команда капитана.

Море глухо зашумело и закипело. Во все стороны забегали пенистые волны, серебрясь в лучах полумесяца, не закрытого еще тучей. Это были первые судороги волновавшегося моря. Буря пока заявляла о своем приближении одними порывами, сопровождавшимися то глухим ревом, то резким свистом и смутным гулом, словно тысячи человеческих голосов, взывающих о помощи. А туча, делаясь все чернее и грознее, охватывала уже небеса, скрывая за собой одну за другой выступившие было звезды. Временами слышался отдаленный громopodobный грохот и треск, словно где-то происходила ожесточенная канонада.

Убрав паруса, «Андалузия» шла к северу, наперерез восточному ветру, стараясь не сходить с курса и не быть заброшенной в самую середину океана.

Наконец все небо покрылось тяжелой, низко нависшей черной тучей, и корабль очутился в полном мраке. С каждым мгновением становилось страшнее и жутче. Присмирел даже проказник Эмилио, хотя и уверял своих товарищей, что ровно ничего не боится и только досадует на то, что вдруг сделалось так «адски» темно.

– Состроил бы этому старому черту, боцману, хорошую рожу, да все равно он ничего не увидит теперь, вот мне и обидно, – пояснил юнга.

Между тем боцман, вместе с капитаном, был занят рулем и наблюдением за морем. Кудлатая голова старика, как на шарнирах, вертелась во все стороны, а привычные глаза прорезывали мрак, точно в них сидели электрические прожекторы, в то время еще не изобретенные.

– Плохо дело! – бормотал он. – Но это еще только присказка, а сказка-то впереди.

И действительно, не прошло и получаса после уборки парусов, как туча, до сих пор таившая то, что несла в своих недрах, стала прорезываться мрачными темно-красными огнями; зарокотал гром, и зашумели ряды бичуемых ветром валов. «Андалузию» подняло на пенистый гребень огромной волны и подбросило словно в самую тучу, затем со страшной силой швырнуло в бездну, причем все судно на мгновение оказалось под водой. Самонадеянный, но еще не привыкший к таким переделкам Эмилио был сбит с ног и покатился по палубе, и если бы не наткнулся на борт, то был бы снесен волной прямо в бушевавшее море. Даже старые моряки едва устояли на ногах. Ни в одном море не образуется таких громадных волн, как в Тихом океане. И нигде во всем мире, не исключая и пресловутого мыса Доброй Надежды, не бывает таких страшных бурь, как у берегов Новой Каледонии. Ужасны циклоны, иногда опустошающие Антильские острова, но и они не так предательски подкрадываются и не отличаются такой продолжительностью и причудливостью.

Бури в Новой Каледонии особенно страшны тем, что не имеют определенного направления, а несутся сразу со всех сторон. Каждая из этих бурь повергает в отчаяние прибрежных жителей; она как помелом сметает их хижины, с корнями вырывает самые большие деревья, а на уцелевших странным образом засушивает плоды и ветви.

Когда «Андалузия» благополучно вынырнула из бурливших волн, вдруг наступила зловеющая тишина. Казалось, воздух замер в неподвижности. Но гроза продолжалась, и море как-то особенно бурлило. Экипаж, за исключением капитана и боцмана, думал, что опасность уже миновала, и облегченно вздохнул. Не поддался, впрочем, оболыщению и дон Педро. Оставив свой пост на корме, он взошел на капитанский мостик и спросил:

– Как вы думаете, сеньор Ульоа, долго ли может продолжаться это затишье? Оно мне кажется страшнее целой сотни ударов расходившейся бури.

– Вы правы, дон Педро, – ответил капитан, лицо которого при свете фонаря поражало своей бледностью. – Это затишье очень зловеще. Оно означает, что ураган собирается с силой, чтобы сделать решительный натиск. До какой цифры опустился барометр? – крикнул он помощнику штурмана, выходявшему в эту минуту из каюты.

– До семисот восемнадцати, капитан, – послышалось в ответ.

– Так я и думал! – со вздохом проговорил Ульоа. – Это цифра роковая.

Туча, словно окутывавшая корабль со всех сторон, вдруг разразилась страшным ливнем. Вода, хлынувшая целыми потоками на палубу, не успевала стекать в многочисленные отдушины вдоль бортов. Немного погодя туча начала редеть и рассеиваться, и сквозь ее клочья на мгновение блеснула луна.

Из-за полного прекращения ветра «Андалузия» не двигалась с места. Только шумевшие волны с силой ударяли в крепкие бока судна. Некоторое время на борту царила такая же тишина, как в воздухе. Но затем раздался громкий возглас дона Педро:

– Берегись! Шквал находит!

Только прозвучало его последнее слово, как туча, соединив вновь свои отдельные части, завертелась со страшной быстротой, причем в ней вспыхнуло бесчисленное множество красных огоньков, сопровождавшихся каким-то странным, постепенно усиливавшимся шумом, в котором слышались шипение, гул, свист и рев. И вдруг, под этот адский шум, «Андалузию» затрепало и зашвыряло во все стороны, как жалкую щепку.

Все ее четыре мачты погнулись как тростинки, но, к удивлению экипажа, не сломались; только некоторые из рей и других мелких принадлежностей оснастки были унесены шквалом.

– Поставить марсели! – скомандовал капитан, стараясь перекричать бурю. – Живее! Тонем!

Действительно, судно, лишенное парусов, не имело никакой устойчивости и закружилось волчком, погружаясь в волны то кормой, то носом. Хорошо еще, что кроме обычного балластного груза – песка, в трюме находилось большое количество чугунных плит, так искусно сложенных, что никакие толчки не могли стронуть их с места. Не будь этой тяжести, корабль неминуемо бы погиб в такую страшную минуту.

Когда марсели были поставлены, дон Педро снова чуть не ползком добрался до капитана и подавленным голосом проговорил:

– Не видать нам, видно, сокровища старого вождя канаков! Напрасно мы и стремимся за ним.

– Ну, это мы еще посмотрим! – ответил дон Хосе.

– Неужели вы полагаете, что обойдется без нового натиска бури, да еще, пожалуй, более сильного?

– Может быть, и не обойдется. Здешние ураганы так прихотливы, что не следуют никаким законам, и никогда нельзя предвидеть, скоро ли и как они кончатся. Но терять надежду не следует до последнего мгновения. Я вот немало видал бурь, а как видите, все еще цел и невредим.

– А удастся ли нам войти в залив?

– Этого не могу утверждать. Нас может отбросить в противоположную сторону.

– На счастье Рамиресу! – вздохнул дон Педро.

– Ну, это бабушка тоже надвое сказала, – возразил капитан. – Я уверен, что сокровище Голубых гор еще не в его руках.

– Вы думаете? А может быть, он давно уже там?

Капитан, зорко всматривавшийся в небо и море, освещаемые частыми вспышками круглых молний, ничего не ответил, потом, немного погодя, вдруг глухо прошептал:

– Господи, помилуй! Вот когда наступает настоящая-то опасность!

– Что такое, дон Хосе? – поспешно спросил дон Педро.

– Смерч! Пушку сюда! Живее! Смерч на носу! – не своим голосом скомандовал Ульоа.

Дон Педро взглянул на море и замер от ужаса. На некотором расстоянии от корабля поднимался водяной столб, крутившийся с невероятной быстротой. Это была самая страшная угроза злополучным мореплавателям.

II. Сокровище Голубых гор

За семь недель до описываемого нами события, в одно тихое и ясное утро на борт «Андалузии», стоявшей на якоре в бухте Кальяо, где она забирала груз в китайские и японские порты, поднялся молодой человек в сопровождении еще более молодой девушки и спросил капитана Хосе Ульоа, владельца этого прекрасного судна, составлявшего предмет восхищения всех моряков чилийского побережья.

Эти молодые люди были дон Педро де Бельграно и его сестра Мина, дети одного из наиболее именитых судовладельцев и моряков Вальпараисо, четыре года тому назад таинственным образом исчезнувшего в Тихом океане.

Дон Хосе Ульоа в это время курил трубку, сидя в своей маленькой, но прекрасно обставленной каюте.

На столике перед ним стояла бутылка доброго старого вина, поднесенная ему одним из его аргентинских приятелей.

Капитан «Андалузии» наслаждался приятным отдыхом и рассчитывал, что никто и ничто не нарушит его. Однако его расчеты не оправдались: внезапно появившийся юнга доложил, что капитана желают видеть по какому-то очень важному делу двое молодых людей, дама и кавалер. Дон Хосе хотя и с легкой досадой, но приказал их привести к себе в каюту.

Увидев входящих посетителей, он поднялся им навстречу и любезно проговорил:

– Милости прошу. Чем могу служить?

– Вы – дон Хосе Ульоа? – спросил молодой человек.

– Он самый, к вашим услугам.

– В таком случае вы должны нас знать.

Старый моряк внимательно всмотрелся в лица стоявших перед ним посетителей, затем покачал головой.

– Нет, не могу припомнить, чтобы я когда-нибудь имел удовольствие видеть вас, – сказал он.

– Я не так выразился, – поправился молодой человек, – наше имя должно быть вам знакомо. Наш отец славился как первый моряк по всему чилийскому и перуанскому побережью. Его имя – Фернандо де Бельграно!

– Фернандо де Бельграно! Да что же вы сразу не сказали мне этого? – вскричал капитан, с такой силой ударив кулаком по столу, что пролил все вино, бывшее в стакане. – Как же мне не знать Фернандо де Бельграно, когда я одно время состоял помощником капитана на его «Сармиенто»! Да, это действительно был великий моряк. Лучше его никто не умел ладить с морем. И вы – его дети?

– Да, дон Хосе. Я – Педро, его сын, а это моя сестра, Мина.

– Бедные сироты! И у вас предательское море похитило отца! Впрочем, как я слышал, капитан Бельграно сделался жертвой не разбушевавшихся волн, а меланезийских дикарей. Так ли это?

– Нет, капитан, совсем не так.

Новый удар кулаком старого геркулеса по столу.

– Как! – вскричал он. – Так ваш отец не был съеден дикарями Соломоновых островов, как у нас прошел слух?

– Ничего подобного, – ответил с улыбкой молодой человек, прихлебывая душистый кофе, поданный ему и его спутнице по приказанию капитана.

– Чему же это вы так улыбаетесь, сеньор! – вскипел дон Хосе, отличавшийся крайней вспыльчивостью. – Смеяться надо мной, что ли, вы явились сюда? Так я предупреждаю вас, что со мной шутки плохи!.. Не вертите, как выюн! Терпеть не могу этого! Скажите мне прямо:

жив еще ваш отец или умер и как именно? Он был моим хорошим другом, и мне очень хотелось бы знать о нем правду.

– Увы, в настоящее время отца уже нет в живых! – с грустью проговорил дон Педро, нисколько не обижаясь на грубость старого моряка. – А как он умер – можете узнать из документа, найденного капитаном Рамиресом в бочонке.

– Рамиресом! – вскричал дон Хосе, нахмурившись. – Слышал я об этом пирате, позорящем имя честных моряков. Он только тем и обогатился, что заморил голодом несколько партий китайских рабочих, нанятых им для добывания гуано. Что же это за бочонок с документом, о котором вы говорите, молодой человек?

– Для того, чтобы вам, дон Хосе, было все понятнее, я должен начать несколько издалека.

– Сделайте одолжение! – горячо проговорил моряк. – Повторяю, история таинственного исчезновения вашего отца, глубоко поразившая всех знавших его, крайне меня интересует.

– Дело вот в чем, – начал молодой человек, допив кофе и оставив от себя чашку. – Недели три тому назад капитан Рамирес возвращался из Кантона² с новой партией китайцев.

– Которых, конечно, не будет как следует кормить и уморит на тяжелой работе! – негодующим голосом прервал капитан «Андалузии». – Но простите, дон Педро, и продолжайте, пожалуйста. Я вас слушаю.

– Возле острова Лифу, одного из самых больших, как вам известно, новокаледонских островов³, дон Рамирес выловил из моря маленький бочонок, в котором оказался документ, написанный в двух экземплярах и на двух языках: на английском и на испанском. Кроме этого документа в бочонке оказались два куска древесной коры, покрытых какими-то таинственными знаками, смысл которых я напрасно старался понять, как ни ломал себе голову.

– При вас эти документы? – осведомился капитан.

– При мне, – ответил молодой человек.

– Позвольте мне взглянуть на кору. Я хорошо знаю Новую Каледонию и, быть может, скорее вас пойму загадочное послание, найденное возле ее берегов.

Дон Педро вынул из потайного нагрудного кармана бумажник и, развернув его, достал оттуда небольшой квадратный кусок беловатой древесной коры, на котором резко выступали три нарисованные чем-то красным фигуры птиц, походивших на больших голубей.

– А, это изображения *ноту*! – вскричал капитан, лишь только бросил взгляд на эти фигуры.

– Что же это значит? – в один голос спросили брат и сестра.

– *Ноту* – это порода птиц, в изобилии водящихся на берегах Новой Каледонии, – пояснил дон Хосе. – Я сам не раз ловил этих птиц; мясо их очень вкусно, да и сама птица красивая. Величиной она с курицу, перья у нее бронзового цвета. Любит прятаться в чаще кустарников, поэтому ее очень трудно поймать. Крик этой птицы тоже очень своеобразный, напоминающий рев быка. Канаки Новой Каледонии предпочитают ее всем другим птицам, – не то за ее красивое оперение, не то за вкусное мясо, а быть может, и еще по какой-нибудь неизвестной мне причине.

– А что это за кора? Знакома она вам? – спросил дон Педро.

– Да, – ответил капитан, внимательно всмотревшись в кору. – Это кора дерева *ниаули*, растущего на всех островах Новой Каледонии.

– Следовательно, во всем этом, в сущности, нет ничего особенного? – заметила Мина.

---

² *Кантон* (ныне Гуанчжоу) – порт в Южном Китае.

³ Автор называет *новокаледонскими островами* группу островов, расположенных в непосредственной близости от о. Новая Каледония. О. Лифу является самым крупным из островов Луайоте, расположенных на 100 км севернее Новой Каледонии.

– Погодите, сеньорита, – возразил дон Хосе, – этот кусочек коры с нарисованными на нем птицами, быть может, окажется ключом к важной тайне... Дон Педро, покажите-ка мне теперь документ, который находился вместе с этой карточкой особого образца.

– Вот, пожалуйста, один экземпляр, написанный по-испански.

С этими словами молодой человек вручил капитану сложенный вчетверо лист обыкновенной писчей бумаги, местами пожелтевшей от сырости.

– А другой экземпляр, на английском языке, не при вас? – спросил дон Хосе.

– Нет, вместе со второй «карточкой» он находится в руках капитана Рамиреса.

– Почему?

– А вот не угодно ли прочитать содержание этой бумаги? В ней вы и найдете ответ на свой вопрос.

Развернув бумагу, капитан Ульоа прочитал вслух следующее:

Писано двадцать четвертого марта 1866 года.

Готовясь предстать пред судом Божьим, я, нижеподписавшийся, пустил по морю семь бочонков с документами одинакового содержания. Эти бочонки уцелели после крушения, постигшего мое судно «Сармиенто», принадлежавшее к морскому департаменту Кальяо. Крушение произошло 27 января 1863 года в рифах, окружающих Балабиосский залив. У меня в Вальпараисо остались двое детей: сын Педро и дочь Мина. Если один из бочонков, передаваемых мной морю, когда-нибудь попадет в руки моих детей, дальнейшая их жизнь будет полностью обеспечена, что окажется понятным из следующего.

Я нашел приют у племени крагоа, туземных людоедов. Дикари эти приняли меня с большим почетом, как «вышедшего невредимым из недр океана», и, узнав поближе, сделали своим вождем, каковым я и остаюсь в настоящую минуту. Пользуясь свободой и изучая здешние горы, я случайно открыл богатую золотonosную жилу, из которой в течение трех лет извлек этого драгоценного металла на много миллионов пиастров. Сокровище спрятано мной в Голубых горах, и на место, где оно хранится, я властью вождя наложил священное табу (запрещение).

Прилагаю к этому документу, написанному в двух экземплярах, на английском и испанском языках, два одинаковых куска древесной коры с нарисованными мной изображениями трех ноту. Эта птица служит эмблемой моего племени, и кусочки коры с ее изображениями должны служить указанием моим детям, если они решатся пуститься на поиски сокровища.

Чувствую, что смерть быстрыми шагами приближается ко мне. На днях, во время праздника «пилу-пилу», неизвестной рукой мне в грудь была пущена стрела, по всей вероятности отравленная.

Прошу всех, кому попадет в руки один из бочонков, бросаемых мной в море из залива Диа, доставить его моим детям, живущим в Вальпараисо, на улице Алькала.

Капитан Фернандо де Бельграно.

Прочитав документ, капитан Ульоа некоторое время молча и с серьезным видом смотрел на молодых людей, с нетерпением ожидавших, что он скажет.

– Гм... «Много миллионов» – это очень заманчиво, – произнес он наконец, закуривая новую трубку. – Это может вскружить голову даже самому хладнокровному человеку во всей Южной Америке.

– Что бы вы сделали с этими документами в руках? – спросил дон Педро.

– Конечно, тотчас отправился бы на всех парусах в Новую Каледонию и стал бы там отыскивать эти миллионы, если бы даже ради этого пришлось пожертвовать в пользу тамошних людоедов целой половиной тела!

– Вот именно за этим-то, за отысканием сокровища, мы и обратились к вам, сеньор Ульоа. Я был уверен, что вы как друг нашего отца не откажетесь помочь нам в этом деле, а мы, со

своей стороны, готовы предоставить вам известную часть того, что будет нами найдено в Голубых горах. Выскажусь определеннее, – продолжал молодой человек, немного подумав, – если вы согласитесь посвятить себя исключительно нашему делу, оставив все остальные, хоть на полгода. Думаю, наши поиски займут не больше времени. Итак, дон Хосе, если вы найдете возможным предоставить себя и свой корабль в наше распоряжение на полугодовой срок, то мы обязуемся вознаградить вас третьей частью всего сокровища, скрытого для нас нашим отцом в Голубых горах. В случае же, если наше предприятие почему-либо не увенчается успехом, вы получите вознаграждение по высшей оценке из состояния, оставленного нам отцом, а это состояние тоже довольно порядочное.

– Вы все это говорите серьезно, сеньор Бельграно? – спросил Ульоа, вскочив со своего места.

– Вполне серьезно, – подтвердил молодой человек. – Ну так как же, сеньор Ульоа, можем мы надеяться на ваше согласие?

– Разумеется! – весело вскричал моряк, срывая с себя фуражку и подбрасывая ее вверх. – Черт возьми, неужели я похож на дурака, который способен отказаться от подобного предложения! А когда вы желали бы отправиться в путь?

– Чем скорее, тем лучше, ввиду того что второй экземпляр наших документов находится в руках капитана Рамиреса, и он наверняка поспежит воспользоваться этим.

– А вы не знаете, где в настоящее время этот пират? – осведомился капитан.

– Корабль его все еще в порту, а на корабле ли сам его владелец – не знаю.

– Гм! Ну, он может обогнать нас, если даже выйдет и позже. Судно у него образцовое, быстроходнее моего, – проговорил с задумчивым видом моряк. – Еще только десять, – прибавил он, взглянув на часы. – Времени у нас достаточно, успеем до вечера погрузить все необходимое. Итак, если вам угодно, ровно в полночь мы можем поднять паруса.

– Отлично, капитан. К этому времени мы с сестрой будем на вашем корабле. А пока до свидания.

Оставшись один, Ульоа крикнул:

– Эй, Эмилио!

На этот зов явился тот самый юнга, который перед тем подавал кофе, и почтительно спросил:

– Что прикажете, капитан?

– Где экипаж?

– С вашего разрешения, капитан, весь на берегу.

– Это я знаю. Но где именно?

– Боцман говорил, что его самого и всех остальных в случае надобности можно найти в таверне Быка.

– Ну так ступай туда и скажи им от моего имени, чтобы все они немедленно собрались на борту. Ночью выходим.

– Слушаю, капитан! – проговорил юнга и бросился исполнять полученное приказание.

Не прошел он и двадцати шагов по набережной, как какой-то плотный, коренастый человек, с лицом индейца из области Кордильер, только более грубым и неприятным, схватил его за руку и так сжал ее, что бедный малый чуть не взвыл от боли.

– Молчи! – угрожающим шепотом предупредил его незнакомец. – Молчи и следуй за мной, если хочешь быть богатым. Ведь ты – юнга с «Андалузии»?

– Да, сеньор. Но я послан по спешному делу и...

– Ладно! Я не стану надолго задерживать тебя. Всего на четверть часа. Потом можешь идти, куда тебе нужно. Называй меня капитаном и следуй за мной так, чтобы это не очень бросалось в глаза разным любопытным.

III. Гибель «Андалузии»

Самый страшный бич для мореплавателей – это подводный смерч, свирепствующий только в океанах, потому что в обыкновенных морях ему негде разгуляться. Водяным смерчем называется страшное явление, когда среди бушующих волн вдруг до самых облаков поднимается и соединяется с ними водяной столб, который, с необыкновенной быстротой вращаясь вокруг самого себя, так же быстро пронесется по воде. Ужасны песчаные смерчи, временами пронесшиеся по пустыне Сахара и погребавшие под собой целые караваны, но еще более страшны морские. Горе несчастному кораблю, попавшему во власть всеразрушающего, крутящегося водяного столба; гибель судна тогда неизбежна – от него не остается ничего, кроме разбросанных по морю жалких щеп.

Смерч, готовившийся обрушиться на злополучную «Андалузию», был невероятных размеров и крутился с ужасающей быстротой. Океан во время образования смерча бесновался с такой чудовищной силой, точно на дне его действовало несколько вулканов. Все пространство вокруг корабля постепенно вздувалось до размеров огромной горы. Из недр этой водяной горы временами раздавался шум, подобный раскатам подземной грозы.

Капитан, боцман и дон Педро стояли на носу судна, наблюдая за зловещим явлением, угрожавшим всем неминуемой гибелью.

– Буря улеглась, как это всегда бывает при смерче, – заметил капитан. – Но это только для того, чтобы вскоре разразиться с еще большей силой и уничтожить судно.

– Неужели нет возможности уклониться от смерча? – тоскливо спрашивал дон Педро, думая о своей сестре, которую должен был покинуть одну в каюте.

– Если не удастся рассеять его пушечным выстрелом, то спасения нет, – ответил дон Хосе.

– Если не удастся? Следовательно, это не всегда удается?

– Увы, да! Это зависит от разных условий. К тому же такая мера уже сама по себе представляет опасность для корабля.

– Почему, капитан?

– Потому, что смерч, разбиваясь, рождает огромные водяные валы, способные потопить любое судно.

Между тем на палубу уже выкатили небольшое орудие, обыкновенно хранившееся в недоступном для сырости месте, и пушкарь, по указанию капитана, устанавливал прицел. Одновременно с этим старый боцман, суеверный, как все моряки из простонародья, пустил в море маленький бочонок, на котором острием ножа начертил кабалистический знак, так называемый *Крест Соломона*, обладавший будто бы силой уничтожить смерчи.

Раздался выстрел, но внезапно налетевшим сильнейшим вихрем ядро подхватило и отнесло в сторону от цели. Крик ужаса, вырвавшийся у всего экипажа, был покрыт воем и свистом разнуданных стихий.

На палубе появилась бледная как смерть и с трудом державшаяся на ногах сеньорита Мина и повисла на руке у брата.

– Я не могла дольше оставаться в одиночестве, – прошептала она. – Уж если погибать, так рядом с тобой, дорогой Педро.

Молодой человек молча прижал к себе руку сестры.

– Конец всему, дон Хосе? – немного погодя спросил он у капитана.

– Это известно одному Богу, – ответил тот, нервно теребя кончик бороды. – Кажется, столб изменил направление, так что, быть может, на нас обрушится не вся его сила. Бывает и так.

– А не попытаться ли дать второй выстрел?

Капитан не успел ничего ответить, потому что в это мгновение новым напором вихря сорвало верхушку фок-мачты. К счастью, она тотчас же была унесена за борт, иначе придавила бы собой всех стоявших на носу. Вслед за тем «Андалузия» чуть было не опрокинулась от страшного толчка; зачерпнув много воды и сильно накренившись на бок, она удержалась только чудом. Некоторое время разъяренные волны играли судном словно мячиком. Мина, обхватив руками брата, державшегося за борт, была близка к обмороку. Моряки и дон Педро про себя творили молитву. Момент был критический, это чувствовали все. Даже бесшабашный Эмилио совсем притих, забившись куда-то в угол.

Целые горы волн одна за другой обрушивались на злосчастное судно и гуляли по его палубе из конца в конец, целыми водопадами устремляясь через борта и отдушины обратно в море.

Смерч находился всего в нескольких метрах от корабля. Основание водяного столба было окружено блестящей белой пеной, между тем как его совершенно черная вершина, имевшая в объеме не менее сотни метров, освещалась вспыхивавшими внутри багровыми огнями. Разветвления этой вершины, соединявшейся с тучей, казались огромными руками, тянувшимися к все ниже и ниже опускавшейся грозной туче. Вдруг вместо красных огней без блеска во все стороны засверкали яркие разноцветные молнии, и небо затряслось под непрерывными раскатами такого грома, о каком в умеренных поясах не имеют и понятия.

– Дон Хосе, скажите прямо: нет никакой надежды на спасение? – с отчаянием вскричал дон Педро, крепко прижимая к своей груди полумертвую от ужаса сестру. – Мне страшно не за себя, вы понимаете?

– Увы! Ничего не могу сказать, – отозвался старый моряк, сам с не меньшим ужасом наблюдавший игру разрушительных сил природы. – Все зависит от того, в какую сторону обрушится смерч. Он может, не коснувшись нас, вдруг перекинуться далеко в сторону.

– Ах, все равно нам погибать, если не от самого смерча, то от сопровождающего его вихря!

– Мы уже выдержали несколько его напоров. Может быть, выдержим и остальные. Конечно, судно сильно пострадает, но это еще не значит конец всему. Смотрите, дон Педро, столб раскачивается из стороны в сторону и временами прекращает свое движение. Это может продолжаться довольно долго, пока он не разобьется своей собственной силой или под действием гонящего его урагана. Эта буря должна отозваться на всем восточном побережье острова Куни, самого южного из здешних островов, и вплоть до Балабио, самого северного. Но вот что: снесите-ка лучше свою сестру опять в каюту; там ей все-таки будет поудобнее, – вдруг добавил дон Хосе, видя, что его собеседник растерялся, не зная, что делать с замершей у него на руках девушкой. – Пусть вам помогут боцман и его подручный.

Девушку отнесли и уложили на койку, поручив заботам жены корабельного повара, единственной женщины в составе экипажа.

Когда дон Педро снова появился на капитанском мостике, смерч, раздражаясь бесчисленными молниями и временами раздувая бока, с оглушительным громом, ревом и гулом надвинулся на корабль и подбросил его в самую середину соединенной с ним густой грозовой тучи. Казалось, теперь уже больше нечего было надеяться на спасение.

Но судьба смилостивилась над несчастными. Под неопикуемый адский шум, слабое подобие которого представляет канонада из тысячи орудий или стук тысячи молотов по железу, «Андалузия» рухнула в раскрывшуюся под ней морскую бездну, но тут же снова была выброшена на поверхность чудовищно вздымавшихся волн и несколько секунд вертелась в страшном водовороте, после чего вдруг почти остановилась на месте. Пронесшись мимо судна, смерч с оглушительным воем и ревом рассыпался по океану, а ураган сразу затих.

– Живы! Уцелели!.. Благодарение Господу Богу! – вскричал дон Педро.

– Да, но этим еще не все кончилось, – проговорил капитан. – Очевидно, смерч разбил, наткнувшись своим основанием на подводный утес; на этот же утес попали и мы. Слышите треск во всем судне?

– Слышу, слышу! Значит...

– Да, это значит, что в корпусе судна сильная пробоина и что, уцелев от смерча, мы можем пойти ко дну.

– Но, дон Хосе, неужели...

– Да, мой юный друг, едва ли нам удастся добраться до Голубых гор. До этой минуты я еще надеялся, а теперь, когда я слышу, как под моими ногами расплзается судно...

– Но может быть, пробоина такого рода, что ее можно будет заделать? – искал утешения молодой человек.

– Заделать! – повторил моряк. – Да вы поймите, что раз корабль вдруг перестал двигаться, несмотря на сильное волнение моря, то, значит, острие утеса проникло в самые недра корабля, и он теперь как бы прищиплен к утесу, а при таком условии о «заделке» и думать нечего.

– Но у нас есть шлюпка, капитан.

– Ее и следа не осталось. Разве вы не видите, что место, где она была, пусто. Ее снесло одновременно с верхушкой фок-мачты. Я еще тогда заметил это, да решил промолчать.

– Боже мой! Боже мой! – с отчаянием восклицал молодой человек, заламывая руки. – Следовательно, мы погибли, и сокровище, собранное отцом для нас с сестрой, должно попасть в руки этого разбойника Рамиреса?

– Ну, об этом еще рано беспокоиться. Если Рамирес вышел вслед за нами, то и его не миновала эта гроза; быть может, от него самого и от его судна теперь уж и следа не осталось, как от нашей шлюпки.

– Что же нам теперь делать, капитан? Неужели мы так и будем сложа руки ожидать своей гибели?

– Вовсе нет. Дайте немного улечься морю. Тогда посмотрим, нельзя ли будет соорудить плот и попытаться добраться на нем до берега. При спокойном море не страшно и на плоту.

– Да ведь неизвестно, когда оно успокоится, дон Хосе!

– По вашим возражениям видно, что вы в первый раз оказались лицом к лицу с опасностью, которой я подвергался десятки раз. Ураганы в Великом океане чрезвычайно сильны, зато непродолжительны. Не пройдет и ночи, как море совершенно успокоится. А когда перестанет свирепствовать ураган и исчезнет смерч, можно будет надеяться на долгое спокойствие. Не каждый же день случаются такие ужасы.

Действительно, оставленные бурей в покое, огромные водяные валы понемногу стали уменьшаться, и под утро море пришло в обычное состояние. Солнце, появившееся во всем своем блеске, озарило совершенно чистое ярко-голубое небо и мелкую морскую рябь, слегка подернутую жемчужной пеной, сгущенной лишь вокруг огромного кораллового рифа, посередине которого застряла «Андалузия». Этот риф, занимавший довольно большое пространство, отличался изумительным количеством причудливо иззубренных вершин, напоминавших ветвистые деревья. Можно было только изумляться гигантским сооружениям, создаваемым неустанным трудом крохотных водяных существ в течение десятков, а может быть, и сотен тысяч лет, усеявших Тихий океан множеством островов, покрытых пышной растительностью. Рифы – это только, так сказать, фундамент для будущих островов, и тем опаснее они для мореходов.

– Нет худа без добра, – заметил капитан, внимательно осматривая место своей невольной стоянки. – Если бы судно не было сразу пробито насквозь одной из вершин этого рифа, застрявшей в его боках, то разбилось бы вдребезги, чего я и боялся, потому что тогда мы все погибли бы.

– Однако мы и сейчас не в блестящем положении, – процедил сквозь зубы молодой человек.

– Но все же еще живы и невредимы, – возразил моряк. – Пойдемте-ка осмотрим мою бедную «Андалузию», с которой, очевидно, нам придется проститься. Иди и ты, боцман. Обсудим на месте, что можно сделать.

Трюм оказался наполненным водой, проникавшей в него через множество трещин в корпусе, с каждой минутой все более и более расширявшихся. Только при помощи сильных паровых насосов можно было бы выкачать всю эту массу воды, но и это уже не спасло бы судно, потому что в то время на берегах островов Тихого океана еще не было корабельных верфей, где бы можно было его отремонтировать и привести в годное состояние.

– Я не ошибся в своем предположении: моя бедная «Андалузия» доживает последние минуты, – сказал дон Хосе, поднимаясь обратно на палубу вместе со своими двумя спутниками. Но слава богу, что хоть мы сами-то все уцелели.

– За это скажите спасибо мне, капитан, – самодовольно проговорил боцман, – если бы я не бросил в море бочонок с Крестом Соломона, то и нам несдобровать бы.

– Честь тебе и хвала, друг Ретон, за твое умение колдовать! – со смехом промолвил дон Хосе, хлопнув старика по плечу. – Научи этому своих помощников и подручных. На всякий случай.

– Дон Хосе, – раздался вдруг голос сеньориты Мины, только что вышедшей из каюты после крепкого предутреннего сна, вознаградившего девушку за перенесенные ею ночные страхи, – говорят, мы сели на риф и судно распадается на части. Что же вы теперь думаете предпринять?

– Соорудим из имеющегося под руками материала хороший плот и на нем продолжим путь. До берегов Новой Каледонии осталось всего миль сто. Дня через три будем там, – уверенно проговорил моряк.

– А если поднимется новая буря? – спросил дон Педро.

– Едва ли в такой короткий промежуток времени. Это был бы совсем уж исключительный случай, – ответил капитан, затем, обернувшись к боцману, озабоченно спросил его: – Ретон, ты смотрел, кладовая для съестных припасов еще не под водой?

– Силы небесные! У меня это совсем из головы вылетело! Ах я, старый безмозглый дурак! – обругал сам себя боцман. – Я сейчас.

И он опрометью бросился к спуску в нижние помещения. Через минуту старик, запыхавшись и с искаженным от ужаса лицом, вернулся и хриплым голосом еще издали крикнул:

– Все пропало, капитан! Вся кладовая под водой!

Наступило тяжелое молчание. Все, слышавшие эту страшную весть, были поражены как громом. Первым пришел в себя капитан.

– Ребята, – обратился он к окружавшей его команде, – нет ли чего-нибудь съестного в вашем помещении?

– У меня есть немного сухарей, – заявил один из матросов.

– А я сберег свою вчерашнюю порцию солонины, – сказал другой.

– У меня баночка с сардинами, – послышалось со стороны третьего.

Остальные матросы и другие члены экипажа зловеще молчали.

– Больше ничего ни у кого нет? – спросил капитан. Полное безмолвие было самым красноречивым ответом.

– В таком случае, друзья мои, – по возможности спокойным тоном сказал капитан, – нужно приступить к сооружению плота, не медля ни одной минуты. С Богом, за дело! К счастью, огнестрельное оружие и амуниция находятся у меня в каюте вместе с другими важными инструментами и приборами, а это самое главное в настоящих условиях.

Не прошло и четверти часа, как на борту погибавшего корабля уже закипела работа. Вооружившись ломami, топорами и пилами, весь экипаж, начиная с боцмана и кончая младшим юнгой, спешно разбирает мачты и обшивку судна, подготавливая материал для плота. Боязнь призрака голодной смерти удесятерила силы работавших и объединяла в дружном порыве самые противоположные характеры этой кучки людей.

К полудню на рифах уже громоздились груды досок, остатки мачт и такелажа, так что плотники могли приступить к сооружению плота. Капитан лично наблюдал за всем и подбадривал работавших. Он убедился, наблюдая за барометром, что давление поднимается очень медленно, и это вызвало в старом моряке опасение, как бы не оказался прав дон Педро, высказавший предположение о возможности повторения страшного урагана. Но пока, к счастью, море оставалось совершенно спокойным, и это благоприятствовало работе.

В три часа дня было уже готово основание плота, а к шести успели приколотить настил, устроить каюту и два небольших трюма.

– Молодцы, ребята! – похвалил капитан усталую команду. – Отдохните немного, а потом – в путь. Как ты полагаешь, боцман, успеем мы добраться до бухты заблаговременно? Дон Педро тут недавно высказал опасение, что ураган может повториться. Ты человек бывалый и редко ошибаешься.

– Сейчас не могу вам сказать ничего определенного, капитан, – пожав плечами, ответил боцман, окидывая своим ястребиным взором небо и море. – Во всяком случае, советую как можно скорее пересаживаться на плот, благо он готов. На нем будет безопаснее, чем на «Андалузии», которая того и гляди вся расплзется по швам.

– Провизию свою забрали, ребята? – снова обратился капитан к команде.

– Она вся у нас в сумках, капитан.

– А воду?

– Она уже в трюме на плоту. Три бочки по сто литров в каждой.

– Хорошо. Отдохнуть вы можете и на плоту, поэтому готовьтесь перейти на него. Забирайте с собой все, что кому дорого.

– Мы все уже снесли туда, капитан.

– Тем лучше. Сеньорита Мина, пожалуйста сюда. Вам первой спускаться. На новоселье, так сказать.

С помощью донa Хосе, брата и боцмана молодая девушка была переправлена со зловеще трещающего остова «Андалузии» на плот; за нею помогли спуститься и жене повара.

Через несколько минут на ободранном борту «Андалузии» не осталось никого, кроме капитана и юнги.

– А ты что же, Эмилио? – спросил дон Хосе, с удивлением глядя на молодого парня, спокойно усевшегося на обрубке мачты. – Чего ты еще ожидаешь тут?

– Я бы желал, с вашего позволения, капитан, остаться для охраны вашего корабля, – ответил юнга, лениво поднимаясь на ноги.

– Что такое?! – еще более удивился капитан. – Да ты с ума, что ли, сошел!

– Напротив, капитан, я вполне в здравом уме! Отец не раз мне рассказывал, как он близ берегов Огненной Земли, во время такой же бури, какая потрепала нас прошлой ночью, спасся только потому, что остался на своем корабле, между тем как весь его экипаж погиб на плоту.

– Это могла быть только счастливая случайность.

– Почем знать, капитан, может статься, и мне суждено такое же счастье.

– Ну, я таким случайностям не доверяю, – уже начиная раздражаться, возразил дон Хосе. – Я даже и права не имею покидать кого бы то ни было одного среди моря. Садись на плот. Живее, без дальнейших рассуждений! Слышал?

Юнга с недовольным видом проворчал что-то себе под нос и, весь съежившись под строгим взглядом капитана, поспешил спрыгнуть на плот, но с таким расчетом, чтобы наделать при этом как можно больше шума.

«Ладно, – шептал он про себя, злобно сверкая глазами, – я все-таки всех вас перехитрю, что ни делайте со мной!»

– Прощай, моя бедная «Андалузия»! – взволнованным голосом говорил капитан, спускаясь последним с борта своего судна, лишенного красивой обшивки и обреченного на полное разрушение при первом же натиске ветра и волн.

Каждый моряк привязывается к своему кораблю как к домашнему очагу и с трудом покидает его. Горько было и дону Хосе Ульоа расставаться навсегда со своим плавучим домом, который, по его мнению, должен был бы пережить своего владельца.

Впрочем, дон Хосе был человек слишком энергичный, чтобы долго предаваться личным чувствам, в особенности когда на нем лежали заботы и ответственность за весь экипаж и, вдобавок, за двух пассажиров, доверивших ему свою жизнь.

IV. На плоту

– Трави канат! – скомандовал он, придавая своему голосу обычную твердость. Канат живо был обрублен – этим обрывалась последняя связь с судном. Парус на мачте посреди плота сразу надулся, и неуклюжее сооружение довольно плавно вышло из широкого прохода между рифами и понеслось, подгоняемое свежим попутным ветерком, дувшим прямо на берег. Вместо руля боцман осторожно управлял длинным веслом; старик опасался, как бы это весло тут же не сломалось о невидимый подводный риф. Положим, весел в запасе было много, но могло случиться, что они все будут переломаны, пока плот выйдет из полосы рифов. К счастью, его опасения не оправдались.

Убрав в каюту собственноручно взятые с корабля документы и разные приборы, необходимые для ориентировки на море, капитан вернулся к своим пассажирам, стоявшим рука об руку под мачтой и грустно смотревшим на покинутое судно.

– Бодритесь, друзья мои, – сказал он им, – если ветер не переменится, мы дня через три, самое большее – через четыре достигнем залива Диа, ведущего в бухту острова Балабио... Дон Педро, где ваш талисман?

– При мне, как всегда, дон Хосе.

– То-то, молодой человек. Берегите его пуще всего, иначе, если он у вас пропадет, нам всем не миновать беды...

– Дикари сжарят нас живьем и полакомятся нами? – с горькой усмешкой проговорил молодой дон Педро. – Да, я знаю, что дикари этих широт большие любители нашего мяса. Но мой талисман спасет нас только от одного племени, а разве не может случиться, что мы встретимся при высадке на берег с другим?

– Тогда нам придется повоевать с ним – вот и все! К счастью, у нас достаточно оружия, пуль и пороха, и живыми мы в руки не дадимся.

– Есть еще большая опасность, капитан: мы можем столкнуться с Рамиресом. Это человек отчаянный...

– Знаю, знаю, дон Педро. Я и сам побаиваюсь этого. Ах, если бы не вчерашний ураган, мы этой ночью могли бы спать уже в Балабиосской бухте! Одно только утешение и остается нам, что и Рамирес пострадал не меньше нас.

– Но могло случиться и так, что он еще не выходил в море. Тогда он нас нагонит, – предположил дон Педро.

– Не оспариваю и этой возможности, – сказал моряк. – Шхуна у него быстроходная, даже лучше моей злополучной «Андалузии». Но оставим пока в стороне все эти предположения и сосредоточим все свое внимание на настоящем.

С этими словами капитан достал из кармана морской бинокль и принялся осматривать все вокруг.

Несмотря на все усилия боцмана, плот временами сбивался в сторону, но в общем шел неплохо, хотя и был тяжело нагружен.

Море пока еще было спокойно. Лишь изредка с востока подкатывала длинная волна и, подхватив плот на свой высокий пенящийся гребень, сильно раскачивала его из стороны в сторону; при этом его составные части скрипели и трещали. Это были последние отзвуки пронесшегося ночью урагана. Экипаж ворчал на эти волнения, требовавшие напряженного внимания и отнимавшие время, которое матросы хотели использовать для ловли рыбы, ради чего вооружились гарпунами. В этих широтах водится рыба-меч, идущая большими стаями; если бы удалось поймать хоть одну их них, ужин был бы обеспечен.

Ни земли, ни кораблей не было видно. Только далеко впереди иногда мелькала утлая пирога туземных островитян. Не показывалось вблизи даже и рыбы. Изредка проносилась по

небу стая морских птиц, но так высоко, что никакая пуля не могла их достать. Таким образом, надежда на необходимое пополнение скудных съестных припасов не оправдывалась.

Мина, убежденная, что всякая непосредственная опасность миновала, пришла в веселое настроение. Сидя под парусиновым навесом, устроенным специально для нее по распоряжению капитана, она беззаботно шутила с Эмилио, который нравился ей за его умение петь забавные песенки и рассказывать интересные истории из быта своей родной деревни. Когда же наступила темнота, девушка перешла в каюту, где для нее было приготовлено особое отделение, и спокойно заснула до утра.

В двенадцать часов следующего дня, тоже ясного и тихого, дон Хосе по сделанным им измерениям удостоверился, что плот прошел уже около тридцати миль. Скорость была удовлетворительная, и капитан беспокоился только относительно провизии. Ввиду сомнительности новой добычи провизию приходилось раздавать микроскопическими порциями. Каждый из семнадцати человек на плоту, не исключая и самого капитана, получал по сухарю, по сардинке и по небольшому куску солонины. К счастью, не было недостатка в пресной воде, хотя ее, ввиду тропической жары, и требовалось больше обыкновенного.

Вскоре после полудня ветер перекинулся в другую сторону, и плот теперь шел с большими затруднениями.

– Нас точно заколдовало, – говорил капитан не отходившему от него дону Педро, – рыбы и птицы бегут от нас, как будто чуя, что мы нуждаемся в них. Был попутный ветер, а теперь и он изменил, и мы должны ползти по-черепашьи.

– Да, по-видимому, нам придется поголодать, – заметил молодой человек.

– Похоже на то... Но хорошо еще, что у нас довольно воды. Без пищи еще можно провести несколько дней, а без пресной воды под этим раскаленным небом и дня не проживешь.

– Да. Но странно, что не показывается ни одной рыбы, между тем как ее здесь должно быть очень много.

– Вот погодите, скоро покажутся акулы. У них изумительное чутье на потерпевших крушение... К счастью, берег не так далек, чтобы не оставалось никакой надежды благополучно до него добраться. Как мы ни тихо ползем, а все же завтра будем на месте.

Эмилио в это утро был назначен наблюдать, не покажется ли где земля или парус. Юнга славился своим острым зрением. Бывали случаи, когда он невооруженным глазом видел то, чего не мог разглядеть капитан даже в бинокль.

Спустив ноги в воду и насвистывая что-то удалое, юнга, пользуясь тем, что возле него, на передней части плота, никого не было, по временам поднимал одну из досок настилки и доставал из-под нее по небольшому квадратику из пробкового дерева, на котором раскаленным железом была выжжена буква «А». Такие квадратики, так называемые *доге*, используются китоловами, которые бросают их в море, чтобы давать о себе знать друг другу.

– Авось, хоть один из этих значков дойдет куда следует, – бормотал он, пуская в воду такой квадратик. – Я за две недели уже немало пустил их. Погоди, старый черт, отплачу я тебе за твое любезное обращение со мной!

Только он хотел бросить еще один квадратик, как вдруг позади него раздался суровый голос:

– Что это ты тут делаешь, дрянной мальчишка?

– Ах, это вы, сеньор Ретон? – проговорил юнга, оборачиваясь и мастерски скрывая свой невольный испуг. – Видите, бросаю доге.

– Для чего?

– Чтобы посмотреть, не клюнет ли на нее рыба. Я бы ее сразу гарпуном. Это мне не впервой.

– А где же ты взял эту доге?

– Нашел среди разного хлама в трюме «Андалузии».

– Гм... Странно! Каким образом такие вещи могли попасть на борт «Андалузии»? Ведь это судно никогда не было рыболовным?

– Ну, этого я уж не знаю, – сказал юнга, ощерив свои блестящие острые зубы. – Вспомнил, что рыба бросается почти на всякую приманку, вот и вздумал попытаться, не выманю ли хоть одну рыбку на поверхность. Ни за что бы ей не удалось уйти от моего гарпуна. А какой был бы великолепный обед у нас сегодня, боцман, подумайте только!

– Ну ладно, старайся, – смягченным тоном проговорил старик и, успокоенный, возвратился на свое место. Жаль, что он не мог видеть, каким злобным взглядом проводил его юнга.

Плот медленно продвигался вперед в северном направлении, почти наперерез слабому ветру. Огромные валы продолжали набегать, хотя и гораздо реже, чем вначале. Немало хлопот доставляло экипажу удерживать плот в равновесии при натиске этих валов, но пока все обходилось благополучно.

Огненный шар солнца уже потонул в волнах, и ему на смену всплыла луна, заливая все необъятное водное пространство своим голубоватым сиянием. Но ни земли, ни паруса нигде не показывалось.

– Ой, ребята, – говорил боцман, качая своей лохматой головой, – боюсь, как бы завтра нам не пришлось потуже затянуть пояса!

– Да и мы подумываем об этом, боцман, – отозвался один из матросов, стоявших на вахте. – Что же это капитан наврал нам, будто до этой проклятой Новой Каледонии остается всего несколько десятков миль?

– А ты потише! – сердито осадил его боцман. – Наш капитан не из таких, чтобы обманывать. Он не мог предвидеть, что придется перебираться на плот.

– А за каким дьяволом его понесло сюда, в эти проклятые места? Разве ему не известно, что случилось здесь с «Медузой». Знать, ему захотелось, чтобы и мы испытали участь экипажа «Медузы»?

– Да ты чего это разошелся сверх меры, Педро? – прикрикнул Ретон. – Смотри, как бы не угодить тебе за это в трюм!

– Ну, вы сейчас же и на дыбы, боцман! Слова вам нельзя сказать. Нам бы только хотелось знать, чего еще мы должны ожидать.

Какой-то странный звук, особенно резкий, словно металлический свист, разнесшийся по морю, прервал слова матроса.

– Это еще что такое? – вскричала команда, бросаясь на переднюю часть плота, где находился на часах Эмилио.

– Это морской черт, а то что же еще! – насмешливо проговорил юнга. – Слышите, боцман, черт собственной персоной плывет прямо на нас?

– Замолчи ты, пустомеля! – прикрикнул на него старик. – Дай прислушаться.

– Должно быть, это нам только показалось, – шепотом заметил матрос Педро. – А может статься, и птица какая-нибудь.

– Ш-ш! – зашипел и на него Ретон, вытянув шею. – Вот опять... Действительно, послышался такой же свист, только еще продолжительнее и яснее, чем в первый раз.

– А, теперь понял! – вскричал боцман. – Это дюгонь. Слава богу, теперь мы не умрем с голоду!

И старик от радости даже подпрыгнул на месте.

– Да, если удастся поймать эту «рыбку», – подтвердил его подручный Алонсо. – Неприятно вот только то, что придется есть ее сырой: на плоту ни варить, ни жарить нельзя.

– Ну, мы теперь с аппетитом поедим и сырого, – заметил боцман. – Главное то, что судьба посылает нам сразу кусочек мяса в несколько сотенок килограммов.

В третий раз повторился странный свист и одновременно с ним метрах в сорока от носа плота из волн поднялось огромное черноватое тело, далеко разбрызгивая вокруг себя бело-снежную пену.

– Ребята, беритесь за винтовки и цельтесь вернее! – вскричал боцман. – Старайтесь! Кому удастся подстрелить эту добычу, тот получит двойную порцию.

Алонсо достал из привинченного к плоту водоупорного ящика четыре длинноствольные винтовки, по числу людей, находившихся в это время на вахте.

– Все уже заряжены, – сказал Ретон, раздавая оружие. – Полагаю, мой выстрел окажется самым верным, немало я за свою жизнь ухлопал таких морских обитательниц. Жаль только, что эти винтовки без разрывных пуль, с ними было бы еще лучше.

Дюгонь, или *морская корова*, отличается особой формы головой, снабженной на месте носа отростком, похожим на трубу или хобот. «Рыба» эта – млекопитающее и довольно часто встречается в экваториальных морях и под тропиками. Некоторые из дюгоней бывают весом шестьсот килограммов, но чаще попадаются от четырехсот до пятисот килограммов. Мясо дюгоня нежное и вкусное, вроде телячьего. Разумеется, если бы удалось запастись такой «рыбкой», экипажу капитана Ульоа нечего было бы бояться голода.

Чудовищная «рыбка», словно чуя опасность, только на мгновение показывалась над водой, а затем снова скрывалась в волнах. Выставляя свой необычный нос, она каждый раз издавала тот резкий свист, который и привлек к ней внимание моряков.

– Никогда я не слышал, чтобы морская коровка так свистела, – говорил боцман, стоя с винтовкой наготове. – Должно быть, эта милашка ранена или влюблена.

– Влюблена! – со смехом повторил Алонсо. – Уж вы скажете, боцман!

– Ну да, ищет себе пару, но не находит, вот с досады и орет благим матом. Старые люди говорят, что в таких случаях все китообразные выходят из себя и свищут так, что хоть уши зажимай. Впрочем, может статься, она ревет и от боли.

– Вот это вернее, – сказал Педро.

– Почему ты так полагаешь? – спросил боцман.

– Потому, что ее кто-то преследует в воде.

– Ну, преследовать дюгоня, кроме акулы, некому. Если ты не ошибаешься, что ее преследуют, то нам этой добычи не видать как своих ушей: акула своего не упустит.

– А мне кажется, что ее преследует не акула, а какие-то еще более крупные рыбыны, – возразил Алонсо, забравшийся на бочку, чтобы иметь более полный обзор. – Их там много ворочается. Временами показываются головы, не похожие на акул, – этих я хорошо знаю.

– Да, теперь и я вижу, – заявил боцман. – До сих пор мне казалось, что это просто отражение луны в воде, а между тем это глаза.

Чудовище вдруг испустило такой неистовый, пронзительный и протяжный – уже не свист, а прямо рев, что даже все спавшие на плоту проснулись и поспешили узнать, в чем дело.

– Что тут такое? – осведомился капитан у боцмана.

– Да вот впереди нас морскую корову преследует стая акул или еще каких-то неприятелей. Должно быть, здорово попало бедняжке. Наверное, это был ее предсмертный крик, – пояснил Ретон.

Капитан распорядился сесть на весла и как можно скорее продвинуть плот к тому месту, где разыгрывалась морская драма. Он хотел предупредить пожирание добычи охотившимися за ней преследователями.

Все четырнадцать человек команды принялись усердно работать веслами, чтобы ускорить ход тяжелого плота. Рев дюгоня повторился еще несколько раз, но все слабее и слабее и наконец совсем замер.

– Ишь ведь сколько времени боролась, – заметил боцман. – Но теперь уже конец.

– Пожалуй, мы не успеем вовремя, – сказал капитан, – плот идет слишком медленно, а охота удаляется от нас. Приналягте еще, ребята!

– И так из последних сил стараемся, капитан, – пробурчал кто-то в ответ. – На голодное-то брюхо не очень поработаешь. Руки почти не действуют.

Дон Педро и его сестра тоже появились из каюты, заинтересовавшись этим, можно сказать, сенсационным событием.

– Ба, да это рыба-меч! – вдруг вскричал дон Хосе, вглядевшись в то место, где кипели пенные волны. – Ну, в этом удовольствия мало.

– А что это за рыба? Почему у нее такое странное название? – полюбопытствовала девушка.

– Потому что природа снабдила ее орудием, очень похожим на меч, и она им пользуется не хуже самых опытных воинов, – пояснил дон Хосе. – Вообще эта рыба – одна из самых опасных, но вместе с тем и вкусных.

– Ишь ты, какое дело, – удивился старый боцман, хлопнув себя ладонью по бедру. – Сроду не видывал и не слыхивал, чтобы на дюгоня нападали другие рыбы, кроме акул.

– Ну а мне это давно уже известно, – сказал капитан. – Еще отец рассказывал об этом, да и сам я не первый раз вижу охоту меч-рыбы на дюгоней. Брюхо у этих китообразных мягкое, и меч-рыбе ничего не стоит пронзить его одним ударом, подкравшись снизу. Кстати сказать, меч-рыба так же падка на человеческое мясо, как акула, и ее надо очень остерегаться. Она всегда ходит стаями, и если нам удастся попасть в середину стаи, то в провизии недостатка не будет.

– Капитан, никак там сызнова начинается баталия? – вскричал боцман, указывая рукой немного в сторону от места, где перед тем шла битва между морскими чудовищами.

Старик был прав: метрах в десяти по правому борту плота вода снова зашумела, образуя огромные пенные волны, в которых мелькало множество голов и хвостов, покрытых блестящей чешуей.

– Гм, – продолжал он, – должно быть, к «мечам» пришла другая рыба, оспаривая добычу. Но какая именно? Не пожалел бы целой трубки табаку, чтобы узнать это.

– И без этой жертвы сейчас узнаешь, мой бравый Ретон, – сказал дон Хосе. – Потерпи немного. Видишь, подходим к месту.

Команда добросовестно работала веслами. Матросы отлично понимали, что наградой им будет избавление от голодной смерти, которая пугала моряков больше, чем быстрая гибель при какой-нибудь катастрофе. Добыча дюгоня могла обеспечить им надолго пропитание.

Близ берегов Новой Каледонии водится немало китообразных, длиной от пяти до шести метров, при обхвате в три метра. Туземные дикари, не менее свирепые, чем те, которые обитают на Соломоновых островах, на Новой Ирландии и Новой Британии, яростно охотятся за дюгонями и стараются по возможности схватить их живыми, чтобы потом похвастаться своей храбростью и ловкостью. Для этого они вплавь окружают то место, где заметили дюгоня, шумом и криками заставляют «рыбу» подняться на поверхность воды, ловят ее за хвост и за широкие плавники и тащат на берег, где и умерщвляют каменными топорами. Этот способ охоты распространен у всех островитян Тихого океана.

Вскоре плот благодаря дружным усилиям команды оказался возле места новой морской битвы. На этот раз сражение происходило между меч-рыбами и акулами.

Из бушевавших в этом месте волн показывались то огромные головы с чудовищными разинутыми пастьми, снабженными рядами треугольных острых зубов, то яростно размахивавшие во все стороны чешуйчатые хвосты, то нечто вроде длинных черных мечей, со свистом разрезающих воду. Волнение моря здесь было так же сильно, как в хорошую бурю, и плоту приходилось очень осторожно маневрировать, чтобы не быть опрокинутым или залитым водой.

Сцепившиеся враги стояли друг друга. Меч-рыба хотя и не может равняться с акулой ни величиной, ни силой, зато превосходит ее быстротой и ловкостью движений, а главное, крепостью и силой своего орудия, давшего ей прозвание.

Белые гребни крутящихся волн были покрыты полосами крови, но другого следа от дюгоня не было видно. Должно быть, прожорливые морские чудовища уже успели растерзать и проглотить добычу. Взбешенные неудачей матросы яростно колотили чем попало по головам и спинам барахтавшихся вокруг акул и меч-рыб, надеясь вознаградить себя добычей хоть одного из этих чудовищ. Но морские обитательницы извивались в воде с такой быстротой, что не представлялось никакой возможности попасть в них даже гарпуном, а стрелять в этот момент и совсем было бы бесполезно.

Вдруг один из матросов по имени Кардосо, стоявший на самом краю плота, был сбит с ног какой-то темной с серебристым отливом громадной массой и издал раздирающий душу вопль. Стоявшие вблизи товарищи поспешили к нему на помощь и принялись колотить чем попало висевшую на нем массу. Кардосо отчаянно бился, продолжая испускать нечеловеческие вопли, постепенно переходившие в тяжелое хрипение.

– Вы что же это, негодяи, – загремел капитан, думая, что тут происходит убийство, – товарища убивать?!

И он выхватил из-за пояса револьвер.

– Бог с вами, капитан, разве вы не видите, что на Кардосо насел «меч»? – возразил Алонсо. – У бедняги пробита грудь, и он, должно быть, уж умирает.

Наконец чудовищная рыба, пораженная несколькими ударами ножа в наиболее чувствительное место, перестала шевелиться, но и ее жертву уже нельзя было спасти: длинный и острый меч чудовища пронзил беднягу насквозь, задев сердце и легкие; смерть его была неизбежна.

Меч-рыба оказалась одной из самых крупных: она имела в длину более трех метров и весила около двухсот килограммов. Эти морские хищники очень опасны, когда раздражены, и случаи вроде описанного нередки среди рыбаков тех побережий, где водится меч-рыба. Она не боится ни акулы, ни даже кита, легко распарывая им брюхо своим страшным орудием.

Наверное, той меч-рыбе, которая свалила злосчастного Кардосо, пришлось бы окончить свое существование и без постороннего содействия, потому что ее орудие застряло в позвоночнике матроса, и она была не в состоянии вытащить его обратно. Бывает, что на подводных частях деревянных кораблей находят повисшими по нескольку штук мертвых этих чудовищ, в слепой ярости или от жадности вонзивших в них свое страшное жало.

Когда мертвое чудовище было снято с умиравшего, дон Хосе, сильно потрясенный этим несчастным случаем, стал принимать меры, чтобы остановить кровь, потоками лившуюся из огромной раны.

– Не трудитесь. Напрасно. Умираю... – еле слышно лепетал умирающий, устремляя на капитана потухающий, но благодарный взгляд.

Это был красивый, мужественный малый лет двадцати пяти, и дону Хосе было очень жаль лишиться его, да еще таким ужасным образом.

– Дай Бог, – продолжал умирающий, напрягая последние силы угасающей жизни, – чтобы моя смерть послужила на пользу бедным товарищам, без этого случая им не овладеть бы рыбой, и...

Хлынувший изо рта новый поток пенистой крови заглушил последние слова несчастного. Голова его, покоившаяся на плече у боцмана, стоявшего возле него на коленях, бессильно повисла, все тело вздрогнуло и вытянулось.

– Готов, – проговорил дон Педро, утирая набежавшие на глаза слезы.

Дон Хосе молча кивнул головой.

– И как нарочно, он был одним из лучших среди нас, – сказал боцман, делая разные гримасы, чтобы скрыть свое волнение, проявлять которое ему, старому морскому волку, казалось неприличным.

Поднявшись на ноги, он поспешил в каюту и принес оттуда кусок парусины, которым и прикрыл покойника, между тем как столпившиеся вокруг товарищи погибшего совершали над ним молитву, к которой присоединились и все остальные.

– Дурное предзнаменование для нашего предприятия, – заметил дон Педро, удаляясь вместе с капитаном на другой конец плота.

– Хорошо, что вы не сказали этого при матросах, – сказал дон Хосе. – Это бы их окончательно обескуражило, и тогда действительно можно было бы ожидать всего худшего. Будем надеяться, что этим несчастьем и окончатся наши испытания. Немного погодя я прикажу похоронить этого беднягу. А пока пусть товарищи поплачут над ним и помолятся за упокой его души.

– А мне кажется, что этим дело не кончится, – стоял на своем молодой человек. – Какое-то тяжелое предчувствие давит мне грудь. Боюсь, не напрасно ли мы с сестрой затеяли эту опасную игру... Не можете ли вы, дон Хосе, сказать мне, по крайней мере, где мы теперь находимся?

– Полагаю, что недалеко от Новой Каледонии. В полдень сделаю измерения, и тогда мы узнаем в точности, сколько еще осталось до бухты. Может статься, что мы миль на двадцать или на тридцать уклонились в сторону от прямого курса, но это не страшно: стоит ветру подуть с востока – и мы в несколько часов исправим это положение.

– А если дон Рамирес теперь уже на месте?

– Так что же? Потягаемся с ним и возьмем свое. У него такой сброд на судне, который едва ли сумеет дать нам сильный отпор. При первом же нашем натиске все попрячутся. Талисман-то у вас цел?

– Цел, дон Хосе. Не беспокойтесь Я берегу его как зеницу ока.

– Да, берегите. Без него нам действительно придется плохо.

Во время этой беседы они подошли к каюте, на пороге которой сидела девушка, закрыв лицо руками. Услышав шаги приближавшихся, она подняла голову и сквозь слезы коротко спросила:

– Умер?

– Увы, сеньорита, да! – ответил капитан. – Никто из нас, моряков, не застрахован от такого конца. Дон Педро, успокойте свою сестру, а я пойду распорядиться относительно отдачи последнего долга бедному Кардосо. При восходе солнца мы, может быть, уже увидим вершины Голубых гор. Не огорчайтесь, сеньорита, а главное, не унывайте.

Взяв сестру за руку, дон Педро увел девушку в ее помещение и уговорил прилечь, после чего забрался в свою койку и вскоре тоже крепко заснул.

Рыба вокруг плота исчезла; вызванное ею волнение прекратилось, и плот тихо продвигался вперед.

Когда горизонт с востока окрасился пурпуром утренней зари, дон Хосе отправился в свое отделение каюты, чтобы взять там подзорную трубу, с помощью которой собирался делать наблюдения. Труба эта лежала в большой деревянной шкатулке, никогда не запиравшейся, вместе с запасным компасом, секстантом, хронометром и другими приборами.

– Что за странность? – пробормотал он, открывая шкатулку и протянув руку за трубой. – Не слышать тиканья хронометра. Не мог же он остановиться сам собой? Я всегда аккуратно завожу его.

Дрожавшей рукой моряк дон Хосе схватил часы и приложил к уху. Они стояли. Он побледнел и испустил сквозь крепко сжатые зубы проклятие. Остановка хронометра лишала его возможности делать правильное измерение долготы и широты данной местности. Простояв

некоторое время как в столбняке, дон Хосе положил хронометр обратно в шкатулку и вынул секстант. Но взглянув на этот инструмент, он в бешенстве топнул ногой и снова выругался: стекла секстанта были разбиты и их осколки валялись на дне шкатулки.

– Это явное предательство! – прошептал он побледневшими губами. – Но кто мог это сделать? Почти всех своих людей я знаю по нескольку лет и не имею никакого основания подозревать кого-нибудь из них. И, во всяком случае, кому из экипажа могло прийти в голову портить инструменты, с помощью которых его капитан ориентируется в море?

Выскочив из каюты, дон Хосе одним взглядом окинул плот. Весь экипаж находился возле тела погибшего товарища. Один только Эмилио сидел на корме, нагнувшись над водой, словно собираясь ловить рыбу.

– Ретон! – крикнул капитан.

Боцман со всех ног бросился к своему командиру.

– Что прикажете, капитан? – спросил он.

– Попроси ко мне дону Педро – он, по всей вероятности, у себя, – и приходи вместе с ним.

– Но что с вами, капитан? У вас такой расстроенный вид.

– Сейчас узнаешь. Ступай!

– Слушаю, капитан. Сейчас.

И старик поспешно отправился за молодым человеком, между тем как дон Хосе, вернувшись в свою каюту, снова достал хронометр и посмотрел на стрелки, которые показывали без двадцати минут одиннадцать.

– Значит, это было сделано ночью, – пробормотал капитан, с силой сдавливая в сжатой руке хронометр.

V. Неразрешимая загадка

Лицо капитана было так искажено, что у дона Педро упало сердце, когда он взглянул на него.

– Боже мой! Что случилось, дон Хосе? – вскричал молодой человек. – Я никогда не видел вас таким.

– Погодите немного, дон Педро, – перебил его капитан. – Ретон, кто этой ночью стоял на часах до одиннадцати часов?

– Я, капитан.

– Да не один же ты? Кто еще был с тобой?

– Трое матросов и юнга.

– Ты где стоял?

– У руля.

– А остальные?

– По боковым сторонам плота.

– И Эмилио находился там?

– Нет, он один стоял на носу.

– Впрочем, дело не в этом мальчике. Не заметил ты, чтобы кто-нибудь из матросов подходил к моей каюте?

– Нет, капитан, при мне никто с места не сходил.

– Припомни хорошенько, Ретон. Дело нешуточное: между нами есть предатель.

– Предатель? Не может быть! А что касается вахтенных, то могу чем угодно поклясться, что из них никто не покидал своего места.

– А когда ты ушел от руля?

– Часов около одиннадцати, когда первый раз послышался свист дюгоня.

– Ну а потом?

– Потом мы все бросились на носовую часть, в надежде овладеть добычей.

– Да?.. Гм... Ну, значит, в это время кто-нибудь и совершил это злодеяние.

– Позвольте узнать, капитан, о каком злодеянии вы говорите? – спросил недоумевавший старик.

– Кто-то испортил у меня хронометр и секстант, чтобы лишить возможности делать измерения, понимаешь?

Боцман и дон Педро в недоумении переглянулись. Наступило продолжительное молчание. Все трое погрузились в грустные размышления.

– Это, должно быть, сделал кто-нибудь из ваших людей, капитан, – сказал наконец дон Педро. – Кому же еще?

– Конечно. Но кто? Из людей моего экипажа нет никого, на ком можно бы остановить подозрение.

– Так не извне же проник сюда изменник? – заметил молодой человек. – Следовательно, это кто-нибудь из ваших.

– Из вахтенных никто не отходил от меня, за это могу ручаться головой, – утверждал боцман, усиленно ворочая во рту табачную жвачку, это любимое «лакомство» моряков. – Да и попробовал бы кто-нибудь сделать хоть одно подозрительное движение – я тотчас же отправил бы его в гости к акулам! – прибавил он, сжимая кулаки.

– А разве не мог прокрасться в каюту кто-нибудь из остальных? – продолжал дон Педро. – Не сам же собою остановился хронометр и разбился секстант.

– Да, вы правы, – согласился капитан. – Но кто мог решиться на такую подлость и с какой целью – вот что меня интересует... К счастью, остался в целости компас; им теперь и придется

руководствоваться. Если с ним одним нельзя добраться до определенного пункта, например, до Балабиосской бухты, то хоть мимо берега не проплывем. Прошу вас, дон Педро, и тебя, Ретон, оставить все это между нами. Пусть никто и не подозревает, что у нас случилось. Виновный сам не проговорится, а остальным лучше не знать, в каком затруднении мы оказались, чтобы не вызывать нежелательных волнений среди команды. Будем молча и зорко наблюдать за всеми. Теперь наша последняя надежда на компас: если испортят или совсем уничтожат и его, мы пропали. Другой компас, находившийся на «Андалузии», был сорван вместе с будкой и унесен в море ураганом, так что у меня остался только этот.

– А вам не приходило в голову, что тут замешана рука Рамиреса? – спросил дон Педро.

– Приходило, – ответил капитан. – Я даже не сомневаюсь, что это злодейство подстроено им. Наверное, подкупил здесь кого-нибудь. Но кто именно продал нас ему – вот в чем вопрос. Клянусь моей душой, если этот негодяй попадется мне в руки, я его не пощажу!

– Не поглажу его по голове и я! – проскрипел сквозь зубы боцман.

– Хорошо, пока довольно об этом, – сказал дон Хосе. – Ступай, Ретон, к рулю и правь к северо-западу. Ветер подул с востока, а это-то нам и нужно.

Пока старый моряк спешил на корму, капитан и молодой человек направились к носу плота. Часть команды прощалась с погибшим товарищем, другая часть управляла плотом. Один из матросов был занят разделкой меч-рыбы, другой разрезал ее на ломти и тут же густо солил их. На их лицах ясно было написано сильное отвращение: матросам претила необходимость питаться тем, что послужило причиной ужасной гибели одного из их товарищей. Но голод, этот величайший деспот, уже давал себя чувствовать команде, целые сутки не получавшей ничего, кроме той порции, которой было бы недостаточно и ребенку.

Море начало слегка волноваться, и капитан должен был прислониться к высокой бочке, чтобы удержать равновесие. Дон Педро стал возле него. Дон Хосе долго и напряженно всматривался вдаль, потом, глубоко вздохнув, опустил руку с трубой.

– Ничего не видно, капитан? – спросил его молодой человек.

– Чернеется на самом горизонте какое-то пятно, но разобрать, что это такое, пока еще невозможно. Быть может, это вершина горы, а может статься, и просто облако.

– А какой приблизительно высоты горы Новой Каледонии?

– Самые высокие имеют от четырех до пяти тысяч футов, но их отсюда не видно: они находятся на южной стороне.

– Не берег ли это уже виднеется, дон Хосе?

– Нет, этого быть не может, – возразил капитан. – Берега Новой Каледонии очень низки; кроме того, мы должны считаться с тем, что земля круглая. Немного спустя опять сделаю обзор, а пока пойдемте завтракать, дон Педро.

– Сырой рыбой?

– Что же делать! Нельзя же развести огонь на плоту. Ведь это значило бы прямо обречь себя на самосожжение. Да вы не бойтесь, мой друг: рыба будет хорошо посолена, и вообще к сырию обыкновенно очень быстро привыкают.

– Ну, сестра едва ли согласится.

– Для нее на сегодня остался кусок солонины с сухарем, а потом, если мы почему-либо еще не скоро достигнем берега, она сдастся: голод возьмет свое.

Созвав экипаж к столу, расставленному под парусиновым навесом посередине плота, капитан напомнил, что нужно быть экономными в порциях, потому что еще неизвестно, когда попадется другая добыча.

Девушке, с общего согласия, был предложен оставшийся кусок солонины и два последних сухаря.

Все ели в угрюмом молчании. Самых грубых из моряков угнетало сознание, что они питаются чудовищем, погубившим их товарища. Голод у них был еще не настолько силен, чтобы заглушить в их сердцах голос совести.

Встав из-за стола, капитан приказал завернуть покойника в старую парусину, потом, после новой общей молитвы, скомандовал опустить его в море. Едва мертвое тело скрылось в волнах, как на поверхности воды показалась огромная пасть со страшными зубами. Очевидно, его подстерегала под плотом акула, всегда еще издали чующая добычу.

– Самая подходящая могила для моряков, – с горькой иронией произнес капитан.

– Как бы нам всем не пришлось позавидовать, что для этого парня все уже кончилось! – проворчал себе под нос старый боцман.

Хорошо, что никто не слышал его зловещих слов.

Рассыпавшись по плоту и обмениваясь между собой впечатлениями, матросы зорко всматривались в далекий небосклон, не покажется ли признака земли, и в море – не попадет ли еще рыба. Но ничего утешительного нигде не было видно. До земли, без сомнения, было еще далеко, а рыба хотя и шныряла поблизости, словно дразня несчастных пловцов, но держала себя очень осторожно: покажет голову, махнет хвостом и снова исчезнет. Особенно много мелькало красивой крупной рыбы с лазурной чешуей, сверкавшей в лучах солнца золотистыми блестками. Эта рыба ловится гарпунами, но она так проворна, что только самый искусный ловец может попасть в нее. Экипаж капитана Ульоа из себя выходил от досады, что у него перед глазами целая уйма вкусной пищи, а получить ее нет никакой возможности.

По временам проносились мимо плота и целые стаи морских змей, длиной в метр, цилиндрических по форме, темно-коричневых сверху и с желтовато-белыми брюшками. Мясо этих змей хотя и нежно, но моряки на него не льстятся, зная, что оно ядовито.

Вдруг один из матросов заметил, что и лазурные рыбы, и змеи в ужасе бросаются враспынную, лишь только в их середину врезается плот. Обратили внимание на это обстоятельство и остальные моряки. Сам плот, даже и с людьми, не мог так напутать этих проворных морских обитателей, которым ничего не стоило увертываться от него. Очевидно, под плотом находилась та самая акула, которая закусилась несчастным Кардосо и теперь притаилась в ожидании другой, не менее лакомой добычи.

Когда Алонсо сообщил боцману о своем предположении, тот сказал:

– Разумеется, она. Эта бестия, должно быть, намерена сопровождать нас до самого конца, чтобы по пути распугивать всю рыбу. Пока она не будет уничтожена, нам нечего и мечтать о пополнении запаса провизии.

В полдень капитан, чтобы успокоить всю команду, производил по обыкновению свои измерения, хотя, как известно, ни хронометр, ни секстант больше не действовали.

– Ну, теперь, слава богу, до бухты осталось всего каких-нибудь восемьдесят миль, – веселым голосом говорил он окружавшим его матросам, с беспокойством следившим за его манипуляциями. – Если только не переменится опять ветер, мы скоро будем иметь удовольствие отдыхать под тенью кокосовой пальмы.

Однако, когда дон Хосе оказался один на один со своим молодым другом, то сказал совсем другое.

– Неприятная новость, – проронил он, уныло глядя в сторону.

– Что еще случилось, капитан? – с беспокойством осведомился дон Педро.

– Того черного пятна, которое я накануне заметил на горизонте, больше не видно. Будь это облако, оно уже надвинулось бы ближе. Следовательно, то была земля, а теперь ее и следа не осталось.

– Что за странность, дон Хосе? Почему же это?

– Да просто потому, что мы сильно отклонились в сторону. А я-то надеялся, что мы за этот день исправим курс!

– Куда же нас отнесло?
– На север, если только мой компас не врет. Может быть, и он испорчен, кто ж его знает?
– Так мы уже миновали бухту?
– Возможно, и так. Право, кажется, нет такого несчастья, которое не могло бы стрястись с нами. До сих пор я придерживался другого взгляда, а теперь...

И, не договорив начатой фразы, дон Хосе безнадежно махнул рукой.

– Занесет нас на тот край океана! – с горечью проговорил дон Педро в тон своему собеседнику. – Доставшейся нам такой дорогой ценой рыбы надолго не хватит. Не больше чем на завтра, а потом что будет?

– Ах, я и сам не знаю! – с отчаянием отозвался капитан. – Положим, море полно всяких случайностей, и плохих и хороших. Стоит только, например, пройти здесь какому-нибудь судну – и мы спасены.

– Да разве заходят сюда корабли? Что им здесь делать?

– Все может случиться, – самоутешался капитан. – Действительно, мы далеко от обычного курса судов, идущих от Зондских островов в китайские воды и обратно. Но ведь какое-нибудь судно может отклониться и в сторону Новой Каледонии. Есть же любители исследовать малоизвестные страны. Конечно, все это предположительно. С вами я могу быть откровенным, а другим не рискну сказать правду.

– Стало быть, дело наше очень плохо, и на спасение, в сущности, нет почти никакой надежды! – с тоской воскликнул молодой человек.

– Я не Бог, и верного ничего не могу сказать, – уже с оттенком раздражения проговорил дон Хосе. – Но пусть наши опасения останутся при нас. Раньше времени не следует обескураживать команду.

Между тем, что бывает очень редко в этих жарких областях, потянуло свежим ветерком с юго-востока, и это угрожало отбросить злополучных пловцов от северных мысов Новой Каледонии. Тщетно боцман старался выправить курс, плот относило все дальше и дальше в сторону от намеченной цели. Экипаж же радовался ветру: это увеличивало надежду на скорое достижение берега. Еще более обнадеживало моряков появление птиц – не альбатросов и фрегатов, которые могут встречаться и за тысячу миль от берега, – а тех, которые держатся близ земли.

К вечеру стало показываться на море и огромное количество водяных растений, покрытых как бы желтоватым порошком, называемым английскими моряками *отилками*. На самом же деле это вещество производится *альгами*, микроскопическими водорослями, в изобилии встречающимися близ рифов и скалистых берегов.

Подметив эти благоприятные признаки, капитан поспешил под навес, где дон Педро занимал беседой скучающую и подавленную горькими размышлениями сестру.

– Вы с доброй вестью, дон Хосе? – спросил молодой человек, поднимаясь ему навстречу.

– Да. Некоторые признаки указывают на близость берега, – ответил тот.

– Новой Каледонии?

– Именно. Ветер опять переменился, еще посвежел и несет нас как раз к Балабиосской бухте.

– А самой береговой полосы еще не видно?

– Пока нет. То, что я утром готов был принять за очертание горы, наверное, было лишь дождевым облаком. В Новой Каледонии в это время года часто идут дожди.

– А когда можно надеяться пристать к берегу, капитан?

– Определить это я пока не могу. Все зависит от ветра, который в этих широтах крайне непостоянен. Кроме того, надо считаться с разными встречными течениями.

– Следовательно, мы и в виду берега можем долго пролабировать, не имея возможности пристать к нему? Ах, подумать только, что провизии хватит всего только еще на один день! – ужасался дон Педро.

– Была бы вода, а без пищи можно обойтись денька два. Во всяком случае, нам нечего опасаться страшной участи экипажа «Медузы», – утешал капитан.

– Какое зловещее совпадение! Я уже второй день все вспоминаю о «Медузе»! – вскричала девушка, только теперь из неосторожных слов брата понявшая, что до сих пор истинное положение дел от нее скрывалось.

– Мало ли какие бывают совпадения! Не придавать же значение каждому пустяку, сеньорита, – возразил капитан, желая ее успокоить. – Вы лучше думайте не о дурном, а представляйте себе, как мы не сегодня завтра будем сидеть под великолепными тенистыми деревьями, отягченными сочными плодами, а потом – рыться в золоте, спрятанном для вас вашим отцом в недрах Голубых гор.

Однако, как нарочно, к ночи ветер стал утихать, потом поднялось сильное морское волнение с востока, явившееся, должно быть, отголоском шторма, разыгравшегося где-нибудь в отдалении. Под напором огромных валов плот подвергался такой качке, что все находившееся на нем раскатывалось и сталкивалось, угрожая разбиться или свалиться в воду. Команде всю ночь не пришлось сомкнуть глаз и следить за целостью груза.

Когда наконец снова поднялось солнце, положение пловцов несколько не улучшилось: шедшее с востока волнение еще не улеглось и на горизонте ничего утешительного не показывалось. Все тот же безграничный морской простор со всех сторон охватывал злополучных пловцов, а над их головами сияло яркое лазурное небо без единого облачка.

– Хоть бы какая-нибудь пирога показалась! – с отчаянием говорил капитан боцману. – И что всего хуже, мы даже не знаем, где находимся, из-за негодяя-предателя, скрывающегося среди нас... О, только бы мне узнать его! Понял бы он тогда, как проделывать такие шутки!

– Что же, капитан, долго мы еще будем прохлаждаться здесь? – спрашивала команда, обступив его, когда он сошел со своего наблюдательного поста.

– А вот подует ветер опять нам в спину, тогда мы через несколько часов будем у берега, – утешал он моряков, на лицах которых было написано угрюмое недоверие.

– Рыбы хватит только на сегодняшней обед, капитан, – заметил один из моряков.

– Что же будет с нами завтра, если не удастся сделать нового улова? – добавил другой.

– Эх, братцы, люди постыятся по целым неделям и то не умирают! Вот если бы у нас вышла вся вода, тогда действительно было бы скверно, но ее пока, благодаря Богу, достаточно.

– Да мы и эти последние три дня живем впроголодь.. – начал было Алонсо.

– Моя порция не больше вашей, однако я креплюсь, – перебил его капитан.

– Это верно, капитан, и мы не смеем ничего возразить, – единодушно отозвалось несколько человек, пораженных верностью этих слов своего командира. – Вместо того чтобы ныть по-бабьи, постараемся лучше поймать еще хорошую рыбку, – прибавил один из них, очевидно, самый благоразумный.

– Вот это дело, ребята! – одобрил дон Хосе. – Давно бы так, чем терять время на пустые разговоры.

Запасшись разного рода приспособлениями для ловли рыбы, команда уселась на краю плота и вся погрузилась в это занятие.

Однако, несмотря на все их старания, не попалось ни одной рыбки, и в полдень капитан раздал остаток соленой меч-рыбы. Даже молодая девушка была вынуждена победить свое отвращение к сырому мясу и съесть кусок.

С ужасом смотрели моряки на опустевшую бочку. Вдруг Эмилио, усерднее всех исполнявший обязанности вахтенного, заявил, что навстречу несется целая стая очень крупной летающей рыбы, преследуемая *костедробительницами*.

Вся команда бросилась на носовую часть и убедилась в верности слов юнги. Должно быть, летающей рыбе угрожала опасность не только со стороны птиц, но и от какого-нибудь врага

под водой, вроде меч-рыбы или акулы, иначе, если бы не было такой опасности, она не стала бы держаться над водой на виду у пернатых хищниц.

– Дайте-ка мне палку, товарищи! – крикнул один из матросов, малый лет под тридцать, жилистый, сильный и ловкий, настоящий испанский матадор, привыкший одним ударом сваливать быка. – Хорошо бы еще чего-нибудь на приманку, и у нас будет сегодня хороший ужин.

– Кроме рыбьих внутренностей, которые я сберег на всякий случай, ничего нет, – отозвался повар.

– Вот и отлично! Давай сюда, приятель.

– Что ты хочешь делать, Джон? – спросил капитан у «матадора», бывшего чистокровным американцем и носившего английское имя. – Уж не задумал ли ты поймать на лету одну из этих «рыбок», которые немного меньше тебя самого.

– Задумал и сделаю, капитан, – ответил Джон. – Когда я был еще у себя на родине, в Калифорнии, то чуть не каждый день притаскивал домой по несколько таких рыбин.

– Неужели? Но ведь в каждой из них не менее двухсот фунтов. Впрочем, летучая рыба бывает и гораздо мельче, и ты ловил ее, наверное, сетями. А какой способ ловли ты намерен применить здесь?

– А вот не угодно ли вам будет посмотреть, как мы, американцы, ловим эту рыбу прямо на удочку. Даже и не на настоящую удочку, а на простую палку, – ответил калифорниец, намазывая на длинную и толстую палку часть рыбьих кишков.

Присутствовавшие с любопытством обступили полукругом самоуверенного ловца. Привлеченная любопытным зрелищем, подошла даже девушка, держа под руку брата.

Летучие рыбы огромной массой неслись прямо на плот, преследуемые воздушными хищниками, от которых старались спастись быстрыми, как молния, поворотами. Некоторые из этих рыб были длиной пять футов и отличались красновато-коричневой окраской, тупым рылом и головным украшением в виде какого-то подобия каски, усаженной острыми колючками. Пользуясь своими длинными и широкими жабрами как крыльями, рыбы с шумом рассекали воздух и очень ловко бросались в пенные волны в тот самый момент, когда пернатый враг, испуская крик преждевременного торжества, заносил над намеченной жертвой свой страшный клюв, готовясь нанести ей смертельный удар.

Сидя на краю плота с опущенными в воду ногами, американец размахивал по воздуху своей примитивной «удочкой» с насаженной на ней приманкой, рассчитывая сильным ударом оглушить клюнувшую рыбу.

Ловля летучей рыбы служит одним из любимых развлечений для жителей побережья Флориды, Нового Орлеана и Калифорнии – мест, наиболее богатых этой породой рыб.

Как известно, есть два сорта летучей рыбы: мелкая, с нежным и приятным на вкус мясом, и крупная, на грубое, жесткое и терпкое мясо которой найдется мало охотников. Но голод, разумеется, гоняется не за качеством, а за количеством.

Североамериканские ловцы обыкновенно выходят на эту ловлю в простых лодках и не используют никакого другого орудия, кроме крепкой палки с приманкой и бечевкой с подвижной петлей на конце. Приманка помещена так, что рыба, намеревающаяся ею воспользоваться, должна сунуться головой в петлю, которая и затягивается вокруг головы. Иногда же ее оглушают ударом палки и вытаскивают из воды. Нередко попадаются экземпляры в полтора метра длиной и более двухсот фунтов весом. Нужны особенная ловкость и сила, чтобы овладеть одному такой крупной добычей. Молодые североамериканцы на этой ловле упражняют свои силы, стараясь превзойти друг друга в интересном спорте. Диталлотеро – так называется крупная разновидность летучей рыбы – с трудом поддается на все ухищрения ловца и долго испытывает его терпение. Кроме того, она быстротой своих движений часто заставляет ловца терять равновесие; он падает в воду и подвергается неожиданному морскому купанию. Положим, для обитателя побережья это не опасно: во-первых, он с детства так же хорошо плавает в воде, как

ходит по земле, а во-вторых, ловля летучей рыбы производится только в самое жаркое время года. Водится она у многих берегов Атлантического и Тихого океанов и почти всегда появляется огромными стаями.

– Помолчите немного, товарищи! – крикнул Джон, не переставая размахивать приманкой по воздуху.

Все сразу притихли и с интересом принялись наблюдать происходившую на их глазах сцену.

Перед самым носом плота, среди опустившихся в воду диталлотеро, вдруг показалась меч-рыба, яростно нападавшая сразу на целый десяток их.

Сообразив, что нужно делать в этот момент, Джон поспешно прицепил к палке острый крючок для ловли крупных рыб и с замечательной ловкостью сразу всадил его в бок одной из преследуемых меч-рыбой диталлотеро. Судорожно извиваясь, последняя тщетно рвалась с предательского крючка.

– Давайте скорее другую палку с крючком и осторожно вытаскивайте добычу! – крикнул Джон товарищам.

Требования ловца немедленно исполнялись, потому что дело шло об обеспечении себя хорошим ужином. Через полчаса на плоту лежало три огромные рыбы. Поймать больше Джону, несмотря на всю его ловкость, не удалось, так как остальная рыба поняла, что и со стороны людей ей угрожает не меньшая опасность, и, все еще преследуемая с двух сторон – хищной птицей и не менее хищной меч-рыбой, – бросилась в сторону.

Призрак голодной смерти, носившийся над пловцами, пока исчез, но надолго ли – этого никто не мог предугадать.

VI. Бунт

Прошло еще двое суток, а положение пловцов нисколько не изменилось к лучшему. Казалось, берег отходил от них все дальше и дальше, несмотря на то что боцман прилагал все усилия, чтобы держаться нужного направления.

Ни вблизи, ни вдали не белело ни одного паруса. Только изредка подлетала стая морских птиц, привлекаемая, быть может, любопытством, но тотчас же быстро удалялась, словно чуя, что на плоту есть два хороших стрелка: капитан и дон Педро, которые не упустили бы случая поохотиться на них.

Провизия, добытая благодаря умению и ловкости американца, быстро убывала; да если бы ее было и много, она все равно должна была бы испортиться от сильной жары и неимения у пловцов больше ни одной щепотки соли.

Экипаж глухо волновался. Волнение его увеличивалось еще и потому, что, по всей видимости, до берега вовсе не было так близко, как постоянно уверял капитан, и что, в сущности, никому не было известно, куда именно несет их плот, всецело находившийся во власти ветров и течений.

Осаждаемый командой, требовавшей точного указания долготы и широты, под которыми они находились, капитан должен был сознаться, что не в состоянии определить этого, так как у него испортился хронометр. Причины он не высказал во избежание опасных недоразумений.

Можно себе представить, как подействовало на матросов неожиданное для них открытие, что они затерялись в безбрежном океане и неизвестно, что ожидает их впереди.

На третью ночь после рыбной ловли случилось нечто, сильно взволновавшее капитана, боцмана и дон Педро, этих троих людей, превосходивших остальных своих спутников силой духа.

В эту ночь плот не двигался с места из-за полного затишья. Перед рассветом боцман, выйдя на вахту, уселся на носу. Старик надеялся при первых лучах солнца увидеть берег, но вместо этого обнаружил перед собой, в воде, кусок пробки вроде той, которая используется рыболовами для поплавков на удочках.

Удивленный видом этого предмета и недоумевая, откуда он мог взяться, старик поспешно огляделся вокруг. Убедившись, что остальные вахтенные столпились в противоположной от него стороне, он достал веслом пробку и внимательно осмотрел ее.

Эта находка не могла быть брошена с рыболовного судна, потому что там были в употреблении пробковые квадратики более крупных размеров и, вдобавок, всегда снабженные названием судна и какой-нибудь цифрой. Этот порядок был хорошо известен старому моряку, в молодости часто ходившему на рыболовных судах.

Зажав в руке свою неожиданную находку, Ретон украдкой прошел в каюту к капитану, чтобы обрадовать его известием о вероятной близости какого-нибудь рыболовного судна, вышедшего, быть может, на добычу трепанга, этого моллюска, который так любим китайцами и водится только близ больших островов Тихого океана.

Достаточно было простого шепота боцмана, чтобы дон Хосе, спавший всегда только «вполглаза», вскочил с тревожным вопросом:

– В чем дело? Уж не берег ли?

– К несчастью, пока еще нет, капитан, – ответил Ретон. – Впрочем, надеюсь, что теперь он уж скоро будет в виду. Но я не затем вас побеспокоил. Взгляните-ка вот, капитан, на эту вещицу, которую я только что выудил из воды.

Капитан взял из руки боцмана пробочный квадратик и внимательно осмотрел его с обеих сторон. Вдруг с его уст сорвалось такое громкое восклицание негодования, что спавшие рядом

за парусиновой переборкой дон Педро и его сестра проснулись и явились узнать, что еще случилось.

– Новое несчастье, капитан? – спросил молодой человек.

– Да, случайно открылась новая измена, – отрывисто проговорил дон Хосе, судорожно сжимая в руке квадратик.

– Новая измена? – вскричал боцман, вытаращив с удивлением глаза.

– Да, – продолжал капитан, – этот кусок пробки является доказательством того, что находящийся среди нас изменник продолжает свое гнусное дело. – Разве ты не понимаешь, что означает этот предмет?

– Понимаю. Это значок, которым рыболовы обмениваются между собой во время кампании, – хотел ты сказать, мой старый друг. Да. Но эта таблетка брошена в воду здесь.

– Кем же и с какой целью? – любопытствовал нетерпеливый дон Педро.

– А вот сначала осмотрите эту штуку, – проговорил капитан, передавая ему квадратик.

Молодой человек с живостью схватил этот маленький предмет и увидел довольно ясно нацарапанные на нем три непонятных иероглифа, над которыми расположилась фигура ноту – точное воспроизведение тех, которые значились на документе Фернандо де Бельграно.

– Да ведь это то же самое, что у меня, – начал было он, но капитан перебил его:

– Поверните пробку другой стороной. Что вы там видите?

– Букву А. Что же означает эта буква?

– По всей вероятности, она означает «Андалузия».

– Что же вы из всего этого заключаете, дон Хосе? – вмешалась наконец и девушка, до сих пор скромно молчавшая.

– Сейчас объясню, сеньорита. Позвольте мне сначала спросить вашего брата кое о чем...

Дон Педро, вы никому не показывали известный документ?

– Никому, кроме вас, капитан.

– Так ли это?

– Даю честное слово.

– А где вы его всегда храните?

– У себя на груди.

– Может быть, кто-нибудь доставал его у вас во время вашего сна?

– Это невозможно! – вскричал молодой человек. – Я сплю так же чутко, как вы, дон Хосе, и всегда слышу малейший шорох около себя.

– Однако кто-нибудь из наших все же изучил ваш талисман. Иначе как объяснить это странное совпадение? – говорил с задумчивым видом капитан, вертя в руках возвращенную ему молодым человеком пробку.

– Ну, что же вы об этом думаете, дон Хосе? – допытывалась девушка, инстинктивно чувствуя важность сделанного открытия.

– А то, что над нами висит преступная рука пирата Рамиреса! – с нескрываемым волнением ответил моряк. – Этот негодяй подкупил кого-нибудь из моих людей. Я убежден, что этот значок брошен в море отсюда, и, быть может, уже не первый раз. Очевидно, этим путем ведутся переговоры с «Эсмеральдой», кораблем Рамиреса... Боцман, видел ты у нас на борту такие значки?

– Нет, капитан, не видал. Да ведь они бывают только у рыболовов.

– Подождите, вот и на боках квадрата есть знаки! – вскричал дон Педро, снова взяв в руки брошенную капитаном на стол пробку.

– Какие? – поспешно спросил дон Хосе.

– Да вот, на одном боку виднеется семь точек и четыре черточки, а на другом – цифры: двойка, десятка и двадцать четыре.

– Гм! Да, – произнес капитан, взглянув на эти знаки. – Разумеется, это условные знаки.

– Вы думаете, капитан, что этот значок предназначен для капитана Рамиреса? – спросил боцман.

– Да, я убежден в этом.

– Боже мой! Как же нам быть? – тоскливо произнес дон Педро.

– Нужно постараться открыть предателя – больше нам ничего не остается, – сказал дон Хосе.

– Эх, только бы он попался мне в руки! Угостил бы я им добрую акулу! – хрипел боцман, яростно сжимая кулаки.

Вдруг он подскочил на месте, хлопнул себя по лбу и вскричал:

– Да-да-да! Вспомнил! Вспомнил! Как-то утром я застал Эмилио бросавшим в воду такую пробку. Когда я его спросил, что он делает, он ответил мне, что бросает приманку рыбам.

– Эмилио?.. Уж не подозреваешь ли ты этого мальчика? – с недовольным видом промолвил капитан. – Ты почему-то недружелюбно, даже враждебно относишься к этому бедняге, виновному разве только в том, что он по своей молодости охотник порезвиться, пошалить и поострить. Это у тебя своего рода мания, кстати сказать, очень для меня неприятная, и я был бы рад, если бы ты постарался от нее избавиться. Ну, сообрази сам, где же неопытному мальчику задумать и провернуть такую хитрую махинацию? На это нужен человек бывалый.

– Хорош «мальчик», чуть не с бородой! – проворчал боцман. – Да ведь он...

– Довольно! – сурово оборвал его капитан, поворачиваясь к выходу. – Оставим пока это. Никому ни слова, слышишь, Ретон? Будем наблюдать молча. Когда-нибудь предатель все же попадется. За это тебе большое спасибо, старина, а за стремление оклеветать ни в чем не повинного мальчика не хвалю.

Вслед за капитаном вышли из каюты и остальные.

По-прежнему нигде не было видно ничего, что могло бы окрылить надеждой угнетенный дух злополучных пловцов. Тихий океан в эту минуту вполне оправдывал свое название, данное ему, вероятно, в такое же утро великим, но несчастным Магелланом. В воздухе было совершенно тихо, и ни малейшая рябь не пробегала по зеркальной поверхности спокойных вод. Хотя солнце только что взошло, но уже немилосердно жгло.

По временам с запада пролетали стаи птиц и, покружившись над морской гладью, снова возвращались назад. Это показывало, что в том направлении должна быть земля.

– Все точно сговорилось против нас: ветер, море, люди и сама земля, как бы нарочно убегающая от нас, – говорил находившимся около него молодым людям капитан, долгое время молча водивший по всем направлениям подозрительной трубой. – Лучше бы уж снова разразилась буря, чем это беспокойное затишье: по крайней мере, один бы конец. Стоим на мертвой точке, и неизвестно, сколько еще времени придется пробыть в таком положении. Сегодня уже седьмой день, как мы покинули «Андалузию», а я был уверен, что не пройдет и трех дней, как мы будем у цели. Забыл, что не мы распоряжаемся стихиями, а они нами.

Так прошел и этот день. Ночью ни капитан, ни боцман, ни дон Педро не смыкали глаз; оставаясь кто на корме, кто на носовой части плота, они наблюдали, не покажется ли наконец где-нибудь вождеденный берег.

Команда усиленно работала веслами, но плот едва двигался вперед. Казалось, он превратился в свинец или притягивался чем-то снизу. С вечера до утренней зари было пройдено всего несколько миль.

Полуголодные матросы глухо роптали между собой на капитана, вовлекшего их в такое безумное предприятие. Наобещал чуть не золотые горы, а вместо того подверг их всевозможным лишениям.

Пока экипаж еще сдерживал кипевшие недобрые чувства, но по мрачным лицам и злобым взглядам матросов было видно, что достаточно небольшого толчка, чтобы все таившееся в них бурным потоком вылилось наружу.

Прошло еще трое суток уже без всякой пищи. Напрасно матросы старались поймать хоть одну рыбу, напрасно и капитан истратил несколько зарядов, надеясь свалить хоть одного из альбатросов, иногда пролетавших над самым плотом, но, к несчастью, слишком высоко, так что их не могла настигнуть пуля.

Наконец, начиная свирепеть от голода, команда перестала исполнять распоряжения не только боцмана, но и самого капитана. Это был очень зловещий признак. Одновременно с тем в сердцах матросов вспыхнуло озлобление против дона Педро и его сестры, в которых они видели главных виновников своих бедствий.

Цель плавания экипажу хорошо была известна. Сам капитан сообщил своим людям, что дело это связано с сокровищем, скрытым знаменитым капитаном Фернандо де Бельграно в Голубых горах для своих детей, отправлявшихся за этим кладом. Сначала матросы, разумеется, были в восторге от перспективы получить богатое вознаграждение за переход по малоизвестным местам Тихого океана, в настоящее же время готовы были бы променять все золото мира на сытный обед и горько сожалели о тех днях, когда они спокойно плавали вдоль западных берегов Америки, где не могло быть такой голодовки.

Эта перемена в настроении команды не могла укрыться от зоркого взгляда капитана и вызвала в моряке самые мрачные опасения.

– Если еще долго не будет видно берега и нам не удастся раздобыть хоть какой-нибудь пищи, то дело наше дрянь, – говорил он боцману. – Особенно страшно становится мне за дону Педро и его сестру. Наша голодная команда такими алчными глазами смотрит на них, что того и гляди произойдет что-нибудь ужасное.

– Сохрани, Господи! – вскричал боцман. – Попробуй только кто-нибудь тронуть хоть пальцем сеньориту – минуты не дам ему прожить, клянусь вечным блаженством моих родителей!.. Говорили вы об этом дону Педро, капитан?

– Разве можно!

– То-то, капитан! Молодой человек горяч и может раньше времени вызвать бурю. Винтовки и амуниция у вас в каюте?

– Разумеется.

– Смотрите, чтобы кто-нибудь не стащил их во время вашего сна или отсутствия.

– Будь спокоен, никому не удастся: ты знаешь, как я чутко сплю, а уходя, всегда запираю помещение.

– Всего у нас девять винтовок, капитан. Не лучше ли оставить только четыре, а остальные выбросить в море?

– Я уже думал об этом, Ретон, но потом сообразил, что на острове среди людоедов лишнее оружие нам не помешает.

– Это верно, капитан. Но если мы еще долго не доберемся до этого заколдованного острова, который не дается нам в руки, то как бы нам не пришлось раскаяться в излишке оружия. От голода люди чумеют; возьмут да и пристрелят нас нашим же собственным оружием. Нам для обороны достаточно и четырех винтовок, а остальными могут воспользоваться наши враги.

– Ну, мы это увидим, Ретон, – проговорил дон Хосе. – Да, положение наше несладкое. Я сильно опасаюсь, как бы наши молодцы не вздумали повторить тех ужасных пирушек человеческим мясом, какие были устроены потерпевшим крушение экипажем «Медузы».

Опасения его оказались вполне основательными. В тот же вечер семеро из команды, в том числе и Эмилио, собрались на корме и, делая вид, будто намерены продолжать свои бесплодные до сих пор попытки рыболовства, шепотом завели такую беседу, от которой у каждого слушателя кровь застыла бы в жилах.

Юнга, несмотря на свою страсть к зубоскальству, пользовался любовью матросов, бывших когда-то приятелями его умершего отца, в свое время славившегося в качестве искусного лоцмана и хорошего товарища.

– Пора наконец решиться, – говорил Эмилио, когда один из матросов спросил, какого он мнения относительно обсуждавшегося дела. – Что же мы, как круглые дураки, будем умирать с голоду, когда под руками столько вкусного мяса? Ждать, когда доберемся до земли, – бесполезно. До тех пор мы все передохнем с голодухи.

– Страшный ты делаешь намек, паренек, – заметил Джон. – Ведь мы не людоеды.

– Ну, это говори за себя или еще там за кого, Джон, – отозвался другой матрос. – До сих пор и я не был людоедом, но теперь готов им сделаться, только бы утолить голод. Третьи уж сутки он переворачивает все мои внутренности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.